

ВАСИЛИЙ КРИПТОНОВ

МИЛА БАЧУРОВА

САНСАРА

ОБОРОТ ТРЕТИЙ:

ЯЙЦА НИМИРЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Василий Криптонов
Мила Бачурова
Сансара.оборот
третий. Яйца Нимиры**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68608089

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда путешествуешь по Сансаре, есть много возможностей умереть. Словить пулю, получить мечом по морде или даже разбиться на гоночной летающей тарелке. Только вот умирать из-за разлагающихся имплантатов уничтоженного мира – самый неприятный способ. Часы тикают. Времени всё меньше. И надо позарез найти одного парня, который совершенно не хочет, чтобы его находили. Корабль и команда наконец-то обретут друг друга. Откроются новые страницы истории Дианы. Завершится вековое противостояние яйцекратов и яйцеверов. Смогут ли герои сохранить свою яичность в этом безумии?..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	64
Глава 8	73
Глава 10	91
Глава 11	101
Глава 12	111
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Василий Криптонов, Мила Бачурова Сансара.оборот третий. Яйца Нимиры

Глава 1

– Никуда не годится, – вздохнуло яйцо, сидящее в соседнем со мной кресле. – Ты не готов.

– Да ладно! Я готов, честно. Давай ещё раз, я сконцентрируюсь.

Яйцо с сомнением посмотрело на меня. Жуткое ощущение, учитывая, что глаз у яйца не было. Вообще лица не было. Было только яйцо. А учитывая то, что одежды они не носили, я вообще оказался в невероятно сложной ситуации. Ну, все мы, втроём.

– Ладно, давай ещё раз, – сказала яйцо. – Я перемешаю снимки. Начали!

Я вцепился взглядом в яйцообразный монитор, вмонтированный в стену передо мной. Появилась первая фотография, изображающая белое яйцо, снятое на белом фоне.

– Яичный Джо! – с уверенностью сказал я.

– Билли Суровое Яйцо, – поправило яйцо.

Следующий кадр. Белое яйцо на белом фоне.

– Эм... Яйцессандра Великолепная?

Яйцо покачало яйцом и силой своей яичной мысли погасило экран.

– Бесполезно, Костя. Ты даже не понимаешь, что это мужчина. Как ты сможешь определить, кто из нас кто?

– Слушай, зачем усложнять? – простонал я. – Давайте просто их покрасим! Как на Пасху, знаешь?

Яйцо прыгнуло с кресла.

– Об этом я даже говорить не стану, – гордо заявило оно и покатилося к выходу.

– Яйцерик, – позвал я. – Ну прости, я больше так не буду.

Яйцерик остановился в дверях и вздохнул. Обернулся.

– Ты хорошее яйцо, Костя. И твои спутницы – тоже. Но чтобы получить наше оружие и поддержку, тебе нужно научиться чувствовать яйца.

– Господи...

– Чтобы распознать яйцо, ты сам должен стать яйцом!

– Мама! – завыл тихонько я.

– Помни древнюю мудрость: яйцо – всему голова. Учись, Костя, и да прольёт на тебя свет Высшая Яичница!

Оставшись один, я схватился руками за голову и долго-долго раскачивался из стороны в сторону. К такому меня жизнь не готовила. Вот совсем! Оказаться бы сейчас в своей старой школе – я б биологичке в глаз заехал. И сказал бы:

«Почему, ради всего святого, почему вы научили нас всяким вакуолям и цитоплазмам, но ни одного занятия не посвятили тому, как отличить одно яйцо от другого?! Вот прикиньте, это единственные сведения из биологии, которые мне понадобятся в жизни! Нет, согласен, была у нас пара занятий про то, чем мальчик отличается от девочки, и как эти отличия продуктивно совмещать, но я на тот момент уже посмотрел познавательный документальный немецкий фильм на эту тему, так что Америку вы мне, мягко говоря, не открыли».

Прошла уже неделя нашего пребывания в этом сдвинутом мире. Кстати, на здешней мове неделю правильно называть – яйцо. И месяц. И год. И день. И мир. Не спрашивайте, как они это различают. Возможно, просто переводчик у меня в голове не справляется с нагрузкой и сильно упрощает. Но тут, блин, практически всё – яйцо.

Началось всё с того, что мы выпали из портала, и я разбил Короля Яйцо. То есть – огромное яйцо, в два моих роста. Остальные яйца, стоящие на той плантации, взбеленились, собрались в яичного голема и попытались жестоко отомстить. Однако двигался голем не очень быстро (наверное, из боязни при перемещении повредить яйца), и мы сумели убежать.

Бежали к portalу, который обещала Диана, однако когда на трети пути остановились на краю обрыва, стало ясно, что всё будет не так-то просто. Внизу были тысячи яиц, окруживших этот самый портал.

«Давайте мыслить рационально, – предложила дрожащим голосом Фиона. – Ну что могут сделать нам яйца?»

Вместо ответа в затылок ей влетело яйцо. С такой силой, что пришлось экстренно хватать Фиону за ноги, иначе она бы свалилась с обрыва. Даже сознание потеряла на минуту. Яичный голем нас настиг и начал стрелять яйцами. Как он это делал, а главное почему, мы разбираться не стали, предпочли в панике бежать вдоль края обрыва, потом свернуть по накатанной яйцами дороге, и через пятнадцать минут остановиться у яичной формы холма, с дверью в форме яйца. Дверь открылась, и наружу высунулось яйцо.

«Скорее!» – воскликнуло оно.

Так я впервые встретил Яйцерику. Он был главой общины яйцеверов, которые проповедовали извечные яичные ценности. Такие, например, как непротивление яйцу насилием, яйцо к ближнему своему и свободное яйцо. Они укрыли нас от злых яиц, яйцекратов, которые проповедовали совсем другие ценности. Яйцелизацию, развитие яйца и отказ от яичности.

Последнее выражалось в том, что яйцекраты могли собираться в големов. Сначала я думал, что «отказ от яичности» подразумевает человекообразную форму голема, но потом до меня допёрло, что яичность – это личность, от которой отказались яйцекраты. Личностью у них обладал только Король Яйцо, а я его по недоразумению раскокал, вот они все и психанули.

«Как нам пробраться к порталу?» – спросила Диана, едва отдышавшись в яичном жилище.

«Вы имеете в виду яйцо для перемещения между яйцами? – спросил Яйцерик. – Это очень опасно для яиц. Ни одно яйцо, ушедшее через яйцо в другое яйцо, ещё не вернулось».

«Но мы не яйца!» – проскулила Фиона, держась за кровоточащий, залитый яйцом затылок.

«Отрицаете яичность?» – насторожился Яйцерик.

В общем, на достижение взаимопонимания ушли сутки. Трудился я один. Фиона почувствовала себя хреново из-за яичного выстрела, и её уложили спать трезвой. Диана не выдержала тупизны аборигенов и отправилась принимать солнечные ванны на вершину холма. Ворон к ней присоединился.

– Ку-ку! – сказал я, взбираясь на холм.

– Кар-кар, – отозвался ворон.

– Богиню по башке долбани, – попросил я, карабкаясь. – Пусть прикроется, если что. А то я не в настроении звездюлей получать сегодня.

– Ладно, выдам завтра, – подала голос Диана.

Я закончил восхождение на вершину холма (а по совместительству – на крышу дома Яйцерика) и увидел Диану. Она была в том же платье, в котором сбежала из плена Амадея. Лежала на спине, заведя руки за голову, шурилась на яичницу и держала во рту травинку. Да, кстати, это принципиаль-

ный момент: вместо солнца здесь светила яичница-глазунья.

Диана валялась тут ежедневно.

– Тебе ещё не задолбалось ничего не делать? – спросил я, усевшись рядом.

– Я экономлю энергию, – сообщила Диана без тени раскаяния. – А заодно подзаряжаюсь. Солнечной энергией. Со жратвой-то тут хреново.

Со жратвой было не просто хреново, с ней было никак. Яйца не ели. Вообще. Хорошо, хоть вода была в деревне Яичных Холмов, так что мы могли пить и даже мыться.

А вот чтобы не сдохнуть с голоду, пришлось заставлять Фиону охотиться на кроликов. Она смотрела на нас такими огромными жалобными глазами, что я чувствовал себя последней скотиной. Но Фиона была среди нас самой ловкой хищницей, если отключала режим Филеаса, поэтому чрезмерным выбором мы не страдали.

Решение полностью себя оправдало – в первую же охоту Фиона умудрилась поймать в лесу трёх кроликов и одну крысу. Крысу мы выкинули, но потом об этом пожалели. Уже на следующий день кролики стали в десять раз осторожней. Слух о непонятном хрен-победи-чём, что открыло на них охоту, разлетелся по лесу. Пришлось сильно экономить кроличье мясо.

Вчера мы с Дианой под покровом Ночного Яйца (это луну так называли, она была в форме яйца) прокрались в стан яиц, отрицающих яичность, и, ткнув камнем по маковке, выкра-

ли здоровенное яйцо. Кое-как пожарили на кусках скорлупы и сожрали, поделившись, разумеется, с Фионой.

А утром к холму опять подваливал голем и пытался качать права Яйцерику, который всё отрицал. Кроме яичности, разумеется.

В общем, жить было можно, но нафиг такую жизнь.

– Мы в заднице, – вздохнул я, поглядывая на висящую в небе яичницу. – Я уже вообще не знаю, как к ним подступиться.

– Не объяснишь, в чём вообще состоит твой гениальный план? – Диана выплюнула травинку и внимательно посмотрела на меня. – Чем вы там постоянно занимаетесь в тайной комнате с этим Яйцехреном?

– Его зовут Яйцерик! – обиделся я. – Я учусь отличать яйца друг от друга.

– Нахрена?

Нахрена, нахрена! Потому что я очень любознательный, блин!

– У яйцеверов есть оружие, – пояснил я.

– Стоп-стоп. У кого? – Диана приподнялась на локтях, глядя на меня, как на больного на всю голову.

– Ты что, вообще ничего не поняла? – взвыл я. – Мы в общине яйцеверов! Они не противятся яйцу насилием, но яйцекраты, отрицающие яичность, перешли уже все границы, и поэтому яйцеверы собираются начать войну. И у них есть оружие для уничтожения яиц. Они могут дать его мне, чтобы

мы сумели сбежать, но есть одна проблема. Среди яйцекратов есть внедрённые яйцеверы, которые занимаются разведкой. Никто из них не должен пострадать. Пока что я... пока что я даже не научился отличать их друг от друга. Яйцерик говорит, что я должен открыть в себе силу яйца, или типа того, но я пока не совсем понимаю, что это вообще значит.

– Н-да, – изрекла Диана спустя минуту молчания. – Вот теперь я понимаю Фиону.

– Что, тоже захотелось за кроликами по лесу побегать? – фыркнул я.

Фиона и вправду увлеклась охотой. Целыми днями пропадала в лесу. Правда, добычи приносила всё меньше, но выглядела крайне довольной.

– Не, нажраться захотелось. Да так, чтоб в хлам. Значит, говоришь, есть оружие, да?

– Есть, – буркнул я. – Только нам его не дадут.

– Это уже другой вопрос, – усмехнулась Диана. – Решаемый...

– Рррррешать! – каркнул сидящий рядом ворон и помахал крыльями.

Диана пощекотала его под клювом, и ворон довольно заклекотал.

Снизу послышался стук и нежный певучий голос:

– Папа? Папа, это я!

Мы с Дианой переглянулись и, не сговариваясь, поползли вниз. Держась за крепкую зелёную траву, чтоб не упасть

(хватило нам уже падений в яйца, спасибо большое), вытянули шеи и увидели перед дверью аккуратное яичко высотой мне до пояса. Стройненькое такое, женственное.

Яичко отклонилось назад, посмотрело на нас и ойкнуло от неожиданности.

– Привет! – Диана помахала одной рукой.

– Привет! – отозвалось яйцо. – Я – дочка Яйцерики, меня зовут Яйцерица! А вы, наверное, те самые яйца, про которые рассказывал папа? Диана и Фиона?

– Почти, – согласилась Диана. – Только это – Костя, он парень. А Фиона в лесу.

– Херрррррнэй стррррррадает, – подтвердил ворон.

– Ко-о-о-остя, – как-то странно повторило яичко моё имя. Я содрогнулся.

– Вот тебе и подземный ход, – уголком рта произнесла Диана.

– Чего? – удивился я. – Погоди... Она что, покраснела?

Яйцерица и вправду налилась багровым цветом, будто пасху почуяла.

– Я тебе говорю – она твоя! – Диана толкнула меня локтем в бок. – Путь к оружию одинокого мужчины лежит через его симпатичную дочурку. Или как там на местном наречии: путь к яйцу одинокого яйца...

– Да в каком месте она симпатичная?! – перебил я.

– Костя... Тебе нужно пробудить внутри себя яйцо, иначе ничего не получится.

– Тррррррррахни! – подключился к агитации ворон. – Крррррррушить! Порррррртал! Грррррримуэль!

Да, он скучал по Гримуэлю и до сих пор не терял надежды встретиться со старым волшебником. Я тоже надеялся. В конце-то концов, хотя мир стремительно исчезал, но там были агенты. А уж они-то умеют перемещаться между мирами. Вдруг и Гримуэля с собой забрали? Не совсем же они звери. Может, сидит в тюрьме где-нибудь в Альянсе, грустит...

Внизу открылась дверь. Яйцерик ахнул:

– Яйцерица! Ты шла по улице в таком виде? Как тебе не стыдно!

– Прости, папа, я не хотела!

– Позор, позор! Немедленно заходи в дом, развратное яйцо!

Яйцерица исчезла. Дверь захлопнулась.

– Ну вот, – подытожила Диана. – Теперь ты, как честное яйцо, обязан жениться.

Глава 2

Может, я ещё и не научился отличать яйца друг от друга, но зато я отлично подметил разницу между яйцекратами и яйцеверами. И если бы не это дурацкое внедрение, без проблем перестрелял бы всех яйцекратов. Серьёзно, вообще без проблем!

Яйцекраты сидели неподвижно, а яйцеверы – двигались. Тот случай, с големом – это экстренная ситуация. Самооборона, так сказать. В основном же яйцекраты спокойно сидели, не дёргаясь, как самые обыкновенные яйца. Ночью, наверное, ещё и спали – иначе как бы нам удалось стырить одного матёрого яйцекрата и сожрать его?

Яйцекраты, отрицая индивидуальную яичность, проводили время в чём-то вроде коллективной медитации. При этом, суки, размножались и занимали всё большую площадь, как бы между прочим поглощая деревеньки яйцеверов. Многие из которых, подумав, тоже вступали в секту яйцекратов.

Сами по себе яйцеверы были приятными и жизнерадостными яйцами. Яйца-дети бегали и играли, оглашая окрестности весёлыми криками. Молодёжь тусовалась в каких-то своих особых местах. Те, что постарше, возделывали огороды, на которых росло несъедобное хрен знает что.

Мне было непонятно об этом мире примерно всё, но я на удивление и не хотел понимать. Я хотел отсюда свалить. И

никогда, никогда в жизни не встречаться с тем наглухо отбитым Творцом, который сотворил этот мир. У него, блин, ещё и реестровый номер был, мир на полном серьёзе входил в Сансару!

Поскольку от Дианы с вороном толку не было, я решил действовать самостоятельно. Спёр у Яйцерики одеяло и отправился к лесу. Там пришлось немало побродить, прежде чем удалось наломать гибких и прочных веток.

Через пару часов после того, как я начал работы, из лесу, пошатываясь, будто пьяная, вышла Фиона. Поймав меня блуждающим взглядом, она подошла ближе и вопросительно мякнула.

– Что, совсем человеческий язык забыла? – спросил я.

Фиона потрясла головой, и в её прекрасных глазах появились проблески разума.

– Извини, – сказала она. – Просто я впервые почувствовал зов дикой природы, и он свёл меня с ума.

– Бывает, чё, – буркнул я, вдевая нитку в иголку.

Вот нахрена, спрашивается, яйцам нитки и иголки? Нет, лучше не задаваться такими вопросами. От них неумолимо хочется забухать, а бухать нельзя, да и нечего.

– А что ты делаешь? – заинтересовалась Фиона.

– Самогонный аппарат. Не видишь, что ли?

– Н-нет. Самогонного аппарата – совсем не вижу, – развела руками Фиона.

Закрыв глаза, я мысленно высказал всё, что думал о бес-

конечно тупящих кошках, а когда открыл глаза, то вставил нитку в игольное ушко с первой попытки. Это меня взбодрило, я даже улыбнулся.

– Подземный ход я рою, Фиона. Валишь нам отсюда надо.

– А, валишь... – Она зевнула, села, скрестив ноги, и обмоталась хвостом. – Ты знаешь, а здесь я, возможно, впервые познал истинное счастье.

– Стихи, что ли, ёжикам читаешь? – удивился я.

– Дело не в этом! – дёрнула кошачьими ушками Фиона. – Здесь, наедине с природой, приходит понимание того, сколь мало в жизни имеет значение. Куда мы вечно бежим? К чему стремимся?.. Неужели шуршание презренных банкнот слаще для слуха, чем журчание ручья, или шелест листвы? Послушай, Костя!

– Слушаю, слушаю, – проворчал я, пришивая палку к одеялу. – Поздравляю с новой шизой. Ты их коллекционируешь, что ли?

– Не понимаю, о чём ты, – надулась Фиона.

– Ну как же? Алкоголизм – раз, бзик по стихам и публичным выступлениям – два, раздвоение личности – три, теперь вот ещё в древолюбости подалась.

– Ты злой и жестокий! – взвизгнула Фиона, вскакивая. – После всего, что я для нас сделал, ты мог бы относиться ко мне более...

– Нитку перекуси, – попросил я.

– Я перекушу, но это не означает, что я тебя прощаю!

– Договорились.

Фиона перекусила нитку, потом, ворча, сделала узелок своими тоненькими пальцами и удалилась обратно в лес. Жратвы, что характерно, опять не принесла, хотя сама умирающей не выглядела. Ладно, киса, свалим мы отсюда, отпустит тебя однажды, тут-то я тебе всё и выскажу. У нас тут, между прочим, все работают! Диана на холме валяется, я хрень какую-то строю, вброн вдохновляет. А эта фигня кошачья свалила в лес – и как так и надо.

– Вы поссорились? – спросил нежный голос.

Я вздрогнул, поднял взгляд. Передо мной стояло знакомое яичко.

– А, привет, Яйцерица, – сказал я. – Ну, как тебе сказать... Да, наверное. Фигня, не бери в яйцо.

Яйцерица глубоко вздохнула и покрутилась, будто красуясь передо мной. Я, как мог, подпустил во взгляд восхищения. Получилось: Яйцерица порозовела. Дурдом...

– Я слышала кусочек вашего разговора, – сказала она. – Похоже, что ваша подруга становится яйцекраткой...

– Нет, – сказал я, возвращаясь к работе, – Яйцефиона не такая. Она – деятельное яйцо. Вишь, как носится!

Между деревьями в этот миг и вправду пролетела стремительная тень. Кажется, Фиона охотилась за птичкой, ошалевшей от такого внимания к своей персоне.

Яйцерица печально вздохнула:

– Я уже видела такое, Костя. Грустно, но поначалу все от-

рицают серьёзность ситуации. Яйцеслав и Яйцериса прожили вместе двадцать лет, но когда она стала яйцекраткой, он тоже долго не мог поверить, полагал это причудой и ждал, что она образумится. Даже когда она полностью отвергла яичность и поклонилась Королю Яйцо...

– Поклонилась – это в смысле села там, рядом с остальными? – пробормотал я, сосредоточенно пришивая очередную палку.

– Да. Яйцекраты считают, что жизнь не имеет никакого смысла, она мешает совершенствовать духовное яйцо. Чем больше мы двигаемся, чем больше внимания уделяем своему телу, тем дальше мы от счастья жизни истинной. Поэтому, как они полагают, нужно полностью отрешиться от мирского и проводить дни в безмолвных молитвах к Королю Яйцо.

– А король-то этот откуда взялся? – полюбопытствовал я, раз уж разговор такой начался.

– Оттуда же, откуда и все яйца, – с удивлением отозвалась Яйцерица.

Вопрос, откуда берутся яйца, кстати говоря, был для меня всё ещё актуальным. И вот я получил на него ответ:

– Яйца приносят птицы. Приносят, чтобы мы радовались жизни! Каждая яичность – бесценна. А яйцекраты отрицают всё это и проводят лучшие свои годы в неподвижности. Безумцы!

Судя по интонациям, Яйцерица всплеснула руками. Интересно, а яйца реинкарнируют в людей? Или наоборот? До-

мотаться, что ли, до Дианы – походить, проверить? У неё же прибор может предыдущие сознания пробуждать. Найдём бывшего человека, вернём память, как, вон, Фионе. Тот ржак будет! Эх-х-х, всё-то бы мне ржать... Повзрослеть бы уже, что ли. Нафиг-нафиг. Увяжется за нами ещё яйцо какое-нибудь с сознанием прыгуна в высоту. Что мы с ним делать вообще будем?

– У нас тоже такие есть, – решил я поддержать разговор. – Мы их задротами называем. Сидят себе всю жизнь – то ли в игрушки играют, то ли книги читают. То ли пишут. Пивка позовёшь попить – он тебя ещё и в ЧС со страху кинет. В Японии, говорят, таких дофига. Им даже, кажется, инвалидность дают, но я точно не уверен. Давно в Японии не был, понимаешь, всё дела, дела, по Сансаре прыгаем туда-обратно.

Яйцерица слушала бы меня, раскрыв рот, если бы у неё был рот. А когда я замолчал, нерешительно начала:

– Скажите, Костя... А кто-то из ваших двух прекрасных яичек – ваше яйцо?

Мне понадобилось секунд десять, чтобы отдуплить, в чём меня обвиняют. Дошло.

– А. Ты про Диану и Фиону? Не, они мне не яйца. Мы просто яйца, понимаешь?

– Да! – с облегчением рассмеялась Яйцерица. – Я так и думала, что у вас ничего серьёзного.

Охренеть! Вот как у них тут понимание работает? От интонации, что ли? Или с элементами телепатии? Дурдом пол-

нейший.

– Костя, – понизила голос Яйцерины, – скажите, а вы не хотели бы... Словом, сегодня вечером, если, конечно, вам не противно моё...

– Яйцерины! – прервал её резкий и неприятный голос.

Яйцерины вздрогнула и повернулась. Я тоже посмотрел в ту сторону и увидел яйцо, грозно глядящее на нас. Яйцо было чуть повыше и пошире, чем Яйцерины.

– Смит Гладкое Яйцо! – воскликнула она. – Дорогой!

И побежала к нему. «Побежала» выглядело не так резво, как говорилось. Яйцерины двигалась медленно, перекачиваясь с боку на бок. Я потратил первые три дня, чтобы научиться не ржать от этого зрелища, и сейчас держался молодцом.

– Что это ты трёшься с этим уродливым яйцом? – недовольно спросил Смит Гладкое Яйцо, когда Яйцерины с ним поравнялась.

– Перестань! Он – гость моего дома, я просто беседовала с ним, исполняя долг гостеприимного яйца!

– Так он сейчас не у тебя дома!

– Ну Сми-и-ит, ну Гладкое Яйцо! – Яйцерины потёрлась о скорлупу Смита. – Ты что, ревнуешь?

– Вот ещё! А чего ты розовая такая?

– Обрадовалась, увидев тебя.

– Хм... Ну, пошли, прогуляемся.

Они покатались рядом. Я вытер слёзы и склонился над своей уродской конструкцией.

Как, интересно, у них имена получаются? Одни, вон, как индейцы, в два-три слова. Другие – Яйце-кто-то. От чего-то же это зависит, надо полагать, или Творец просто от балды всякой фигни написал. Вот уж кто-кто, а этот явно очухался не за неделю до дедлайна, а за два часа, причём, с такого бодуна, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Омерзительное зрелище! – послышался голос.

Да мать твою! Вам что тут – проходной двор, что ли? По-работать не дают!

Со стороны леса приблизилось яйцо ростом с меня. Оно стояло и глядело вслед Яйцерине с её кавалером.

– Кто ж смотреть заставляет? – буркнул я. – Там, на другом конце деревни, говорят, всякое интересное. А тут – фигня одна, сам бы ушёл, да яичность не позволяет.

Но большое яйцо как будто бы и не слышало меня.

– Эти отпрыски богатых родов совершенно забыли приличия. Молодые яйца, не имеющие ни грамма собственного ума, один только гонор. Кто дал ему право относиться к прекрасной Яйцерине, как к своей собственности? Каждый день выгуливает её в одно и то же время, когда на улице много яиц, чтобы похвастаться. А всё остальное время, пока он пьянствует с друзьями, она должна сидеть дома и дожидаться его!

– Пьянствует? – насторожился я.

– Ну конечно! Когда-то пьянство было привилегией сильных мужчин-яиц. А теперь? Теперь достаточно просто ро-

диться мужчиной, и можно позволять себе всё, что угодно! Мой тебе совет, яйцо: не теряй её. Лучше яйца ты не найдёшь, а она, если останется с этим тухлым гоголем-моголем, пропадёт.

Как-то вдруг рядом образовалась Фиона.

– Костя, может, помочь чего? – спросила она, преданно заглядывая в глаза.

– Во-первых, пожрать принесёшь, – сказал я, почувствовав силу мужчины-яйца.

– Принесу! – Фиона ударила кулаком в грудь. – Пир устрою!

– А во-вторых, на! – Я нахлобучил на неё свою конструкцию. – Пошли испытания проводить.

Фиона с визгом разогналась, взбежала на холм и прыгнула. Крылья, изготовленные из одеяла, поймали ветер.

– Парrrrrрит! – воскликнул ворон, сидящий у Дианы на плече.

Да, каких-то две-три секунды Фиона парила. Потом за чем-то впала в панику, замяукала, попыталась махать крыльями, которые задумывались, как неподвижные. Затрещали рвущиеся нитки, каркас оторвался, и траектория безвозвратно нарушилась.

– Очень красиво, – похвалила Диана, когда Фиона на ходу впилилась в подножие холма, на котором мы стояли.

– Вы что там делаете? – выскочила наружу Яйцерица. – У

меня тарелочка упала и разбилась!

Я, тяжело вздохнув, спустился вниз. Помог встать несостоявшейся лётчице, которая скулила и держалась за голову. Н-да, великий план – долететь до портала, поплёвывая на яйцекратов – провалился с треском, буквально. Я задумчиво погладил Фиону по голове.

– У кисы боли, у собачки боли! – давясь от смеха, сказала сверху Диана.

– Идите вы все знаете, куда? – крикнула Фиона и, гордо дёрнув хвостом, похромала в сторону леса. На охоту, должно быть.

– Костя! – шёпотом спросила подкатившаяся ко мне Яйцерица. – Я не успела спросить. Ты не согласился бы сходить со мной сегодня вечером в одно место? На концерт.

– А там пьянствовать будут? – осведомился я.

– Угу, – расстроено понурилось яичко.

Я опять вздохнул, посмотрел на обломки дельтаплана, поднял взгляд вверх. Там Диана сделала страшные глаза и показала кулак, а ворон расправил крылья и замахал ими.

– Да, конечно, – сказал я. – Зайду за тобой в восемь.

Глава 3

– Уверен? – доносился до нас грозный голос яичного голема-яйцекрата. – Это необычные яйца, их нельзя не заметить. Яйца говорят, что видели одно из них парящим в воздухе над деревней.

– Летающее над деревней яйцо? – уточнил Яйцерик. – Нет, я бы заметил.

– Но если вдруг заметишь...

– Первым делом сообщу, конечно.

Голем молчал. Дверь не захлопывалась. Я мучительно хотел кашлянуть, но держался. Мы все сидели за столом: Яйцерина, Диана, Фиона и я. Даже ворон. Правда, он скорее сидел на столе. То, что яйца не ели в привычном смысле этого слова, не мешало им сидеть за столом перед пустыми тарелками. Это было важной частью семейной традиции в каждом доме.

– С ними была птица, – сказал, помолчав, голем. – Чёрная птица. Я понимаю, если вы подумали, будто они священны и спустились с неба, чтобы положить конец нашему господству, но...

– Нет у вас никакого господства, сектанты! – разозлился Яйцерик. – Яйца веками жили, как мы, яйцеверы! А вы – всего лишь кучка помешавшихся...

Смех голема его оборвал. У голема было преимущество:

он говорил и смеялся всеми яйцами сразу, то есть, был громче любого отдельно взятого яйца.

– Ты не так уж стар, Яйцерик, но Высшая Яичница уже совершенно не озаряет своим сиянием твой желток. Скоро, скоро прилетят Благословенные Птицы. И куда, как ты думаешь, положат они новые яйца? В безопасное место на ровной площадке, где все яйца стоят чистыми и красивыми в ожидании перерождения, или в какую-то непонятную деревню, где яйца бегают и прыгают, ежесекундно рискуя быть разбитыми? Они положат яйца к нам, Яйцерик. Ещё две-три кладки, и мы поглотим твою деревню, как поглотили десятки деревень до этого. Многие из твоих так называемых «яйцеверов» уже добровольно присоединились к нам. Посмотри. Узнаёшь ли ты вот это яйцо, составляющее меня?

– Яйцериса! – ахнул Яйцерик.

– Да, это я, – раздался одинокий яичный голос. – Я отвергла свою яичность, и с тех пор в мой желток пролился свет Высшей Яичности. Я провожу дни в любви ко всему сущему.

– Мы не враги, Яйцерик, – вновь заговорил голем всем големом. – Когда ты позволишь себе это понять, твоя жизнь изменится.

С грохотом захлопнулась дверь. Послышался характерный звук перекатывающегося яйца. Я тихонько откашлялся. В трагическом молчании Яйцерик запрыгнул на свой стул и уставился в пустую тарелку. Отчётливо было слышно, как на стене тикают часы в форме яйца.

– Хватит! – вдруг рывкнул Яйцерик, и тарелки на столе подпрыгнули так, будто бы он стукнул по нему кулаком.

– Охерrrrrrrрел? – обиделся ворон и на всякий случай перебазировался на плечо Диане. – Рrrrrразорrrrrrrрался!

Полностью проигнорив птичку, Яйцерик обратился ко мне:

– Поначалу я действительно думал, что вы пришли с неба помочь нам в борьбе. Но пора открыть яйцо на очевидное. Яйцефиона только и делает, что гуляет в лесу, рискуя столкнуться с тайной кладкой яйцекратов. Яйцедиана вообще ничего не делает. Птица только ругается. А ты, Костя Старательное Яйцо, самый лучший из всех, так и не научился отличать яйцо от яйца!

– Как ты меня назвал? – вытаращил я глаза.

– И меня! – подхватила Диана.

Фиона молчала. Она вообще после своих лесных трипов стала молчаливой, и сейчас-то пришла только потому, что вечер приближался, а вечер приносил запах гипотетического бухла. Всё-таки от алкоголизма ни в какой лесной дзен не спрячешься.

– Папа сделал тебе комплимент, – пробормотала Яйцери-на. – Только представители самых знатный родов имеют право...

– Молчи, Яйцери-на! – Яйцерик снова стукнул невидимым кулаком по столу. – Вы, пришельцы, того и гляди спровоцируете войну, и виноват буду я. Моя семья понесёт ответ-

ственность за вас! Я не могу этого допустить.

– Выгоняете? – спросила Диана.

Паники у неё в голосе, мягко говоря, не слышалось.

Яйцерик замялся. Я мысленно фыркнул. Быстро же у него запал иссяк.

– Ещё три дня, – промямлил он. – Если через три дня Костя Старательное Яйцо не научится отличать яйцо от яйца, вы покинете мой дом. Я не имею права рисковать своими яйцами.

– Понимаю, – сочувствующе сказала Диана. – Яйца – они одни, на всю жизнь. Да же, Фиона?

Фиона негромко на неё зашипела, давая понять, что убила бы, да нечем. Я сильно наклонил голову, чтобы не было видно попыток сдержать смех. Но Яйцерик заметил.

– Вам смешно? – закричал он, подпрыгнув на стуле (как?!). – Вы потешаетесь над яйцами, которые дали вам приют? Которые делятся с вами благодатью? У нас, между прочим, её не так уж и много!

– Папа! – одёрнула его Яйцерица.

– Что «папа», что «папа»? Ты была в гостях целую неделю, ты не видела, как они оставляют полные тарелки! Благодать быстро портится, ты же знаешь. Да все знают! Мне приходилось её выбрасывать, совершая тяжкий грех!

– Простите, – подняла руку Диана, как примерная школьница. – А о чём вообще речь? Что за «благодать»?

– То, что лежит у тебя в тарелке, неблагодарное яйцо! –

крикнул Яйцерик.

– О... – Диана взяла ложечку и потыкала пустоту. – Так это надо есть? Я не знала.

– А вы что, думали, мы тут просто так сидим перед пустыми тарелками?

– Нет-нет, – поспешил я заверить Яйцерику.

И тоже взял ложку. Ощущение было такое, будто с ребёнком играешь. Зачерпнул ничто, сунул в рот, прожевал, проглотил. Прислушался к ощущениям – мало ли...

– Я не могу смотреть на это глумление! – Яйцерик свалился со стула и стремительно выкатился за дверь.

– На фиг, – решительно сказала Диана, когда мы вышли на улицу после ужина.

– Действительно, – подхватила Фиона. – Если у них и алкоголь в таком же духе...

– Тихо вы! – одёрнул я обеих. – Не хватало ещё, чтобы нас в самом деле выставили.

– А что мы теряем? – посмотрела на меня Диана, озарённая лучами заходящей яичницы и очень при этом красивая, несмотря на изрядно пошорканное платье. – Миску «благодати» вечером и нитьё яйца?

– Крышу над головой мы теряем, – проворчал я. – Плюс, может, он вообще психанёт и сдаст нас яйцекратам. А те – сама видела, ребята спокойные, но их бронепоезд стоит на запасном пути.

Фиона, вздрогнув, потёрла затылок, куда прилетело яйцом-камикадзе.

– Ну и свалим сами, – сказала Диана, сложив руки на груди. – Поживём в лесу. Фиона же, вон, как-то справляется.

Я тихонечко взоржал.

– Не поняла юмора, – процедила сквозь зубы Диана.

– Фиона – частично кошка, у неё инстинкты есть, которые не только бухать зовут, – пояснил я. – Я, допустим, тоже в походы ходил, в школе. Да и так, на шашлычки с пацанами ездили, планировали на день, зависли на неделю. Потом, у нас с Фионой хоть шмот соответствующий. А ты в своём платье как в лесу жить собралась? Ты вообще себе представляешь, что это такое? Мне таки кажется, что твоя крутизна – больше в городских условиях проявляется.

Диана презрительно фыркнула на меня и отвернулась к яичнице, почти сползшей за горизонт. Но, что интересно, промолчала. Секунд пять. Потом буркнула:

– Всё-то тебе моё платье покоя не даёт.

– Есть немного, – признался я. – Я не говорил, что работаю внештатным агентом передачи «Снимите это немедленно»?

Тут Диана повела себя совершенно неожиданно. Она усмехнулась и вдруг, придвинувшись ко мне, склонила голову к моему плечу.

– Херrrrrрасе, – отреагировал ворон на крыше яйцедома. Фиона ничего не замечала, либо ей было поровну. Она

вдруг задалась вопросом:

– А если мы отсюда уйдём – что дальше? Так и будем прыгать из мира в мир, спасаясь от агентов?

– Да упаси Сансара! – содрогнулась Диана. – Это были временные трудности. Которые возникли, кстати, из-за вас. Обычно я работаю гораздо более аккуратно и почти совсем не попадаюсь.

– Так что мы будем делать? – не отставала Фиона. – Куда подадимся?

– Планов – громадье, – вздохнула Диана, всё так же приклонившись ко мне. – Выбраться, Шарля-корабля отыскать. Потом заработаем немного денег, мир себе построим.

– Мир? – переспросил я.

– Ага. Какой-нибудь плёвый мирочек, вне официальной Сансары, чтоб можно было спокойно отдохнуть.

– Для этого ведь Творец нужен.

– Да есть у меня один на примете... Может, и Творец, чёрт его знает.

Как-то меня всё это настораживало. И тон Дианы, и это её показное прижимание... Но я по жизни руководствуюсь принципом: «Дают – бери». А потому правой рукой осторожно Диану приобнял. Ну, ничего так. Искры из глаз не полетели, ничего нигде не сломалось. Едем дальше...

– Руку сломаю, – предупредила Диана, когда я «поехал дальше».

– Понял, поторопился, – сказал я и вернул руку на талию.

– А что если набрать камней? – предложила Фиона. – По-больше! Завернём во что-нибудь. И ночью просто побежим к portalу, разбивая всех яйцекратов?

Сзади стукнула дверь.

– Не надо этого делать, умоляю вас! – обеспокоенно за-верещала Яйцери́на. – Вы не знаете, на что они способны! Конечно, вы – очень быстрые, сильные и крепкие яйца, но яйцекраты хитры и коварны! Они сидят неподвижно и копят силы. И сил у них очень много! В конце концов, они задавят вас численностью.

Диана резко от меня отстранилась, я убрал руку с её та-лии, и мы обернулись.

– Э-э, – сказал я. – Хм... Отлично выглядишь, Яйцери́на.

– Это что, занавеска? – заинтересовалась Фиона.

Диана обошла меня и вlepила ей подзатыльник. Фиона ойкнула по-филеасовски.

– Никогда нельзя говорить про платье девушки, что оно – занавеска, – прошипела Диана.

Яйцери́на налилась таким густым багрянцем, что да-же мне сделалось неудобно. Посередине её обхватывала и вправду кухонная голубенькая занавеска, свисающая санти-метров на двадцать ниже, собственно, Яйцерины. А самый замес заключался в том, что Яйцери́на не стояла на земле, а левитировала на уровне моего плеча.

– Спасибо, – пробормотала она, отвечая мне. – Я рада, что тебе нравится. Мне просто показалось, что ты любишь яйца

в красивой обёртке, вот я и...

– Ты про меня? – спросила Диана. – Не-не, не парься! Мы – просто партнёры. Да же, Костя?

– Конечно! – не моргнув глазом, соврал я. – Ты куда-то собираешься?

– Уже восемь часов, – пробормотала Яйцерица.

– А, помню, конечно, – кивнул я. – Идём?

– Да! – обрадовалась Яйцерица и подлетела ко мне. Я, помешкав, положил руку ей на... талию, что ли...

– Удачи! – хлопнула меня по спине Диана. – Если что – мы рядом.

Угу, рядом они. Лучше бы спать ложились, честное слово. Однако это мы уже обсуждали. Диана почему-то категорически не хотела отпускать меня на свиданку совсем одного.

– Слушай, а как ты это делаешь? – спросил я, когда мы отошли от дома шагов на десять.

– Что именно? – спросила Яйцерица.

– Ну... летаешь.

– Костя Старательное Яйцо, ты меня смущаешь!

– Извини, я просто не в теме...

Некоторое время мы шли в молчании. Яичница зашла, на небе белело Ночное Яйцо. Улицы пустовали. Тихо было... Интересно, а где, собственно, гулянка-то? Что-то я своим тренированным шестым чувством никаких признаков не ощущаю.

– Любовь, – тихонько сказала Яйцерица.

– Чего? – переспросил я.

– Когда яйцо встречает свою истинную любовь, оно воспаряет над землёй, и уже при жизни становится ближе к Благословенным Птицам.

Глава 4

Давненько я так не нервничал на первом свидании с девушкой. Собственно, вообще почти никогда. Как-то мимо меня прошли всякие возвышенные переживания и прочие прелести. Но оказывается, мне просто девушки не те попадались. Стоило встретить яйцо, и – пожалуйста! Как быть, что делать? А если она захочет, чтобы я её поцеловал? Как это вообще у них?.. А если она чего поинтереснее захочет – вот это вообще как?! А оно есть? А я зачем интересуюсь? Я что, правда собираюсь с яйцом – вот это вот самое, как бы оно ни было?!

Выручили два разных воспоминания, одновременно пришедших с разных сторон. Первое – от агента, который вербовал меня на Планете Невест. Как он там хорошо заметил: «Сначала голова – потом член». И второе, из родного мира: женщина любит ушами. Ушей на яйце, конечно же, не было, но это мне не помешает. Вижу цель – не вижу преград.

– Расскажи о себе, – попросил я. – Чем занимаешься?

– Я изучаю яичность в институте яйца.

– О, яичность, – кивнул я с умным видом. – Ту самую, которую отрицают яйцекраты, да?

– Ну, яичность у каждого своя, – робко засмеялась Яйцерица. – Однако принципы, по которым она работает, общие.

А, дошло! Она ж психологию изучает. Ну ясно-понятно,

плавали, знаем.

– Так вот почему ты так хорошо разбираешься в яйцах! – воскликнул я.

Вот если попросит пример привести – я немножечко подвисну. Однако, насколько я знаю всяких психологинь, ей такой вопрос и в голову прийти не должен. Так, собственно, и получилось. Только что бледно-розовая, Яйцерица сделалась багровой, как вываренная в яичной шелухе.

– Ты заметил?..

– Ну конечно! Да только слепой бы не заметил.

Смит Гладкое Яйцо, наверное, не замечал. Что ж, и таких я тоже знаю. Думают, что если они – мажоры, то им уже просто по определению все девки должны на шею вешаться. Не, ну они вешаются, конечно, хоть и не все. А потом им скучно становится, и они легко находят того, который за бокалом палёной водки внимательно выслушает жалобы на жизнь нелёгкую.

– А ты чем занимаешься? – спросила Яйцерица.

Я-то? А хрен бы знал, чем я занимаюсь... Последнее время – буквально всем.

– Я – пилот космического яйца, – сказал я, вспомнив, как взлетал и садился под Шарлево нытьё.

– Правда? – ахнула Яйцерица.

– Угу... Истинная. Просто так сложилось, что в данный момент у меня нет космического яйца. Поэтому я временно безработный, рассматриваю различные вакансии...

Яйцери́на захихикала:

– Костя, ты такой смешной!

Это ты, дорогая, меня ещё пьяным не видела. О, сколько нам открытий чудных готовит этанола дух!

Тем временем мы, кажется, пришли. Яйцери́на остановилась возле одного из спящих домов с сонными окнами и постучала в дверь. Без рук постучала. Просто вдруг раздался «тук-тук», а потом дверь открылась, и на крыльцо вышло яйцо.

– Смит Гладкое Яйцо будет недоволен, – буркнуло оно.

– Ну и что? – дёрнулась Яйцери́на. – Я не принадлежу ему. Я – свободное яйцо, у меня есть яичность!

Яйцо сомневалось.

– Проблемы, командир? – слегка угрожающим тоном спросил я.

– Не вмешивайся, пожалуйста, Костя Старательное Яйцо, – тихо сказала Яйцери́на.

Услышав имя, яйцо вздрогнуло и решилось.

– Следуйте за мной. – Яйцо скатилось с крыльца и, переваливаясь, покатилося к сараю. Мы с Яйцери́ной послушно шли следом.

Яйцо открыло двери сарая, вошло внутрь и впустило нас. Сарай изнутри был как сарай. Инструменты всякие на стенах. Вилы, там, грабли висят. Топор... Я уже не задавался вслух вопросами, ну его на фиг, мозги одни на всю жизнь.

– Посторонитесь, – буркнуло яйцо.

Мы посторонились влево. Яйцо подобрало с пола цепь и потащило к выходу. Я, раскрыв рот, следил за этим действием. Нет, руки из яйца не вылезли. Цепь, по сути, просто приподнялась и закрепилась где-то возле яйца. Нет, я, пожалуй, всё-таки задамся ещё вопросами. Погодя немного.

Цепь крепилась к крышке, закрывающей люк в полу. Яйцо стащило эту крышку. Из пола потёк слабый оранжевый свет и послышались звуки музыки.

– Они уже играют! – воскликнула Яйцерица.

– Только начали, – сказала яйцо. – Давайте быстро.

Яйцерица полетела по ступенькам вниз. Я сначала обернулся, и мне почудилось шевеление двух теней в темноте. Диана и Фиона туда за мной явно не пойдут... Ну ладно, пусть на улице поскучают.

Я пошёл за Яйцерицей. Когда за спиной у меня с громким звуком захлопнулась крышка, стало немножечко не по себе. Деревянные ступеньки уводили глубоко под землю, воздух становился всё более спёртым, а музыка – всё более громкой. Я робко подумал, что яйца-то, небось, вообще не дышат. Ну, вернее, через поры в скорлупе, может, что-то и просачивается, но лёгких-то у них ведь нет. А что если я сдохну к чертям в этом погребе? То-то будет номер. Так и вижу некролог: «Задохнулся между яйцами на дискотеке...»

– Костя, скорее! – позвала снизу Яйцерица.

Я проскочил последние ступеньки и увидел, что у входа в собственно зал стоят два суровых сторожевых яйца.

– Вечеринка только для своих, – сказало одно при виде меня.

– Не вопрос, дружище, – кивнул я. – Меня зовут – Костя Старательное Яйцо.

Яйца переглянулись.

– Смиту Гладкое Яйцо это не понравится, – буркнуло то яйцо, что справа.

– Да ему, как я посмотрю, вообще ничего в этой жизни не нравится, – фыркнул я. – Может, проблемы нужно искать в своей яичности?

– Проходите, – сказало второе яйцо.

Я, приобняв парящую Яйцерину, вошёл внутрь.

Внутри было... Ну, уровнем повыше, чем обычный сельский клубешник. Полы и стены отделаны камнем, да неплохо так отделаны. Немного напомнило кабаk из «От заката до рассвета», но я придушил ассоциацию. Яйца-вампиры – это уже было бы совсем за гранью.

Яиц было полно. Они радостно качались на полу под ритмичную гитарную музыку. Поскольку влюблённая Яйцерина летала, а я был как минимум на полметра выше самого высокого яйца в зале, мы легко могли разглядеть выступающую на сцене группу.

– Охрене-е-еть, – только и сказал я, увидев, как всё это происходит.

На сцене находилось пять яиц. У троих были гитары – они просто висели поперёк яиц и издавали звуки гитар. Четвёр-

тый сидел за барабанной установкой. Барабанные палочки летали перед ним, усердно стуча. Пятый пел в микрофон:

*В тот час, когда на небе
Яичница сгорит,
Нас тьма с тобой укроет,
Способствуя любви.*

*Я буду очень нежен
Ведь ты моё яйцо
Но ты мне не сказала,
Что... Что!!!!*

*Сальмонелла!
О-о-о-о....
Сальмонелла!
А-а-а-а...*

Припев весь зал орал хором. Я тоже немного подпел, даже похлопал. Очень уж прочувствованно исполняли.

– Здорово, правда? – прокричала мне на ухо Яйцерица. – Они – первая из популярных рок-групп, которая взялась за такие остросоциальные темы, как заболевания, передающиеся половым яйцом!

– Круто! – крикнул я в ответ и показал большой палец. – А где тут бухают? Я не для себя, мне кошку покормить.

Яйцерица провела меня в угол, где обнаружилась барная

стойка. Барное яйцо уставилось на меня вопросительно.

– Выпить бы, – попросил я.

Яйцо осуждающе покачалось и сказала:

– Смиту Гладкое Яйцо это не понравится.

– Главное, чтобы мне понравилось, – сказал я.

Передо мной очутилась стопочка не больше напёрстка.

– С вас десять микрояичек.

Я поднял пустую стопку, посмотрел на просвет. Грустно вздохнул, выпил ничего, поставил обратно. Да, Фионе тут ловить нечего, надо срочно менять мир...

– Костя, ты сразу всё выпил? – ужаснулась Яйцерица.

– Именно так поступает настоящий мужчина, – сказал я.

И вдруг заметил, что вокруг меня становится тихо.

Яйца как-то подозрительно на меня косились, даже группа, доиграв одну песню, не спешила начинать вторую. Яйцерица почувствовала себя неуютно.

– Знаю, ребята, – бодро воскликнул я, – Смиту Гладкое Яйцо это не понравится. Но почему вас так заботят его чувства? Неужели вы всю свою жизнь будете подлизываться к Смиту Гладкое Яйцо, отрицая собственную неповторимую яичность? Да тогда лучше уже присоединиться к яйцекратам и поклониться Королю Яйцо!

Яйца зароптали. Я, поняв, что наступил на больное, сменил пластинку:

– Яйцо, ребята, – это товар с повышенным содержанием бренда. Яйцо на сто процентов гарантирует хороший вечер и

утро. В нашей жизни яйцо всегда торжествует. Вы способны подстроиться под яйца, вы стремитесь быть совершенством в глазах других, вы воплощаете чьи-то мечты. Не пора ли остановиться и посмотреть на яйцо? Я никогда не думал, что яйцо придёт ко мне и скажет: «Я – Яйцо». Не забивайте яйцо. Я конечно понимаю, что, когда проблемы с яйцом, то всякое яйцо и лезет в голову, но всё-таки... Яйцо – это не порок, а состояние души. Жаль, что современные бизнес-леди не могут тратить слишком много времени на яйцо. Яйцо как горчица, требует осторожности и знания меры. А вот «Оцйя» – это Яйцо наоборот. А неплохо забирает эта ваша невидимая хрень!

Яйца разразились аплодисментами. Мне хлопали сотни невидимых рук. Я кланялся. Рядом со мной вертелась в воздухе гордая Яйцерица.

– Кто ты, отважный чужеземец? – спросил в микрофон вокалист.

– Это – Костя Старательное Яйцо! – отозвалась Яйцерица.

– Следующая песня – в твою честь, Костя Старательное Яйцо!

– Выпивка – за счёт заведения, – подхватило барное яйцо и подвинуло мне ещё один напёрсток.

– Ура! – обрадовался я. – Да здравствует!!!

Третий напёрсток точно был лишним. Во всяком случае, связь с реальностью я утратил полностью. Ужас! Никогда та-

кого не бил. В животе как было пусто, так и осталось, а в голове зато...

Это немного напомнило, как мы в детстве на советских качелях развлекались. Ну, такие, где колесо от КАМАЗа на четырёх цепях висит. Мы его закручивали по часовой стрелке, а иногда – против, как настроение. Один держал, а двое забирались. Колесо стремительно раскручивалось, вызывая штормовое головокружение.

Потом мы подвели под процесс научную базу и начали играть в бар. Закручивал бармен. Закажешь бутылку водки – он тебе по самое не могу закрутит. Кружка пива – два-три оборота. Эх, детство-детство, ты куда ушло...

В себя я пришёл на улице, в каком-то тёмном укромном уголке. Мои руки как раз сдёрнули с алеющей Яйцерины занавеску, и тут я замер. Ну, пока связь с реальность отсутствовала, я, кажется, был вполне уверен, знал, что делать, и даже не сильно переживал из-за сальмонеллы. Но вот теперь я резко озадачился происходящим.

– Не останавливайся, Костя, – прошептала Яйцерица.

Блин, да я бы рад не останавливаться! Или не рад?.. Господи, что я вообще делаю со своей жизнью?!

Из затруднительного положения меня выдернул знакомый мерзкий голос:

– Какого яйца тут происходит?!

Я повернул голову и увидел, что единственный выход из нашего закутка заслонили трое яиц.

– А! – Я хихикнул. – Смит Гладкое Яйцо? Да ты крутой. А эти, по бокам – твои яйца?

– Стойте! – заметалась Яйцерица. – Не надо! Я всё объясню.

– Да чё там объяснять, и так всё понятно, – пожал я плечами и отважно шагнул к Смигу.

И тут вдруг спину пронзила резкая боль, заставив меня вскрикнуть и упасть на одно колено.

– Так-так-так, – вальяжно произнёс Смит, подкатываясь ко мне. – Похоже, тут переживать не о чем, да?

В невидимой руке рядом с ним появилась металлическая цепь.

Глава 5

Про болты в спине я практически забыл. Вот ведь... Раньше не понимал, как люди умудряются жить со всякими пирсингами – неудобно ведь должно быть! А самому накрутили в спину неведомой хрени – и как так и надо. Ну, на спине не засыпал, само собой, привык на боку.

И вот сейчас, ни в зад ни вперёд, как говорится, болты дали о себе знать. С меня даже хмель слетел от таких изысков. Как будто в позвоночник все эти болты вот прямо сейчас закручивают, без наркоза. В глазах потемнело, на губах застыло матерное слово.

Уши будто ватой заложило, но я всё же услышал, как кричит Яйцерица, как Смит Гладкое Яйцо говорит: «Подержите её!». Потом – свист воздуха, рассеяемого цепью.

Я сделал то единственное, что мог – повалился на бок. Цепь пролетела сверху. Смит выругался.

Приступ ушёл так же внезапно, как и пришёл, оставив только тошноту, бешено бьющееся сердце и трясущиеся руки-ноги. Ну и хрен с ними, что трясутся. У Смита, вон, их вообще нет. Надо, Костя! Вступить за честь дамы, и всё такое.

Я приподнялся, встал на одно колено, посмотрел на Смита, который как раз отводил цепь назад для второго удара. Ну и что мне с этим Шалтаем-Болтаем делать? С правой ему

пробить? Мысль, конечно, интересная, опять-таки ужин. Но вряд ли это как-то поможет нашей репутации в деревне Яичных Холмов. Да и Яйцерица умом тронется, увидев, как мы с Дианой и Фионой пожираем внутренности её бывшего.

Подумав, я просто вытянул руку и толкнул Гладкое Яйцо.

Результат превзошёл все ожидания. Смит упал и покатился, громко вопя.

– Э! – возмутился сзади один из его подручных (или, вернее, «подъяичных»?), который держал Яйцерицу. – Ты страх потерял, яйцо с руками?

Кажется, ребята привыкли, что от них молча выхватывают и говорят «спасибо». Типичные мажорчики, непуганые.

– Сейчас, – сказал Смит Гладкое Яйцо, поднимаясь, как Ванька-встанька, – я тебя убью. Выпущу наружу твой белок. Готовься к смерти!

– Окей, – пожал я плечами, выпрямляясь во весь рост. – Пойду готовиться. Как буду готов – сообщу.

Смит взмахнул цепью. Я, не слишком уверенный в том, что делаю, поднял левую руку, и цепь обвилась вокруг неё. Больно, конечно, но терпимо. Великих сил в яйце не было.

Перехватив цепь, я дёрнул, и другой её конец выскочил из невидимых рук Смита, сам же он чуть не упал к моим ногам, но всё-таки выстоял.

– Белок, говоришь? – сказал я, помахивая цепью. – Белок – это хорошо. Но желток – гораздо вкуснее. Что застыл, придурок? Да я таких, как ты, на завтрак, обед и ужин жру!

Нашёл, на кого напрыгнуть, гоголь-моголь тухлый. – Это я вспомнил, как то, другое яйцо обозвало Смита, когда я впервые его увидел.

Видимо, здесь это было оскорблением. Смит завизжал, как яйцедевочка, и прыгнул на меня, целясь острым концом себя мне в лицо. Я машинально поймал его правой рукой и удержал. Тяжёлый, зараза! Килограмм пятнадцать, наверное, чуть не повалил, засранец.

– Отпусти его! – завопили сзади чуть ли не в истерике. – Отпусти, или ей конец!

Завизжала Яйцерица. Я резко повернулся, всё ещё держа в руке Смита. Он дёргался, но сделать ничего не мог, и как-то резко сменил цвет на бледно-голубой. Два его других яичка стояли по обе стороны от Яйцерицы. Один держал в невидимой руке нож, который почти касался скорлупы девушки. Яйцерица сделалась мертвенно бледной.

– Всё будет хорошо, Яйцерица, – сказал я.

– Отпусти меня! – визжал Смит. – Убери свои грязные отростки, урод, или они убьют её!

Я уже почти совсем было решил поставить полудурка на землю, как вдруг расстановка сил неожиданным образом изменилась.

На яйцо с ножом невесть откуда спикировал ворон.

– Кастрррррация! – каркнул он и тукнул клювом.

В скорлупе образовалась маленькая дырочка.

Яйцо задрожало. Нож выпал из невидимой руки. С диким

воплем злоумышленное яйцо рвануло к выходу, оттолкнув меня.

– Не упади – мозги расплескаешь, – дружелюбно напутствовала его Диана, входя в наш боевой закуток; следом за ней молча шла Фиона. – Так, в двух словах, кто тут наши?

– Это вражина, – сказал я, аккуратно отдав ей Смита. – И вон тот, рядом с Яйцериной, справа.

Диана, что-то проворчав, поднялась на цыпочки и поставила Смита на крышу сарая, одного из двух, что образовывали закуток.

– Что ты делаешь? – орал Смит. – Что ты натворила? Сними меня отсюда!

– Нафига? Ты и там отлично смотришься, – пожала плечами Диана. – Сиди тихо, жди восход яичницы.

Фиона тем временем подошла ко второму злому яйцу. То попятилось, отступая от Яйцерины.

– Я ничего не делал, – заголосило яйцо. – Я просто пошёл с ребятами, думал, это всё какая-то шутка!

– Весь ваш мир – большая унылая безалкогольная шутка, – мрачно заявила Фиона и потянулась к яйцу руками.

– Не надо! Не-е-ет!

Яйцо оказалось на втором сарае.

– Шалтай-Болтай залез на сарай, – оценил я. – Круто, чё. Поздравляю с безоговорочной победой. А алкоголь, кстати, тут есть. Только, скажем так, весьма своеобраз... А-а-а!

Вскрикнув, я повалился на землю опять. Приступ вернул-

ся.

– Что такое? – склонилась надо мной Диана.

– Спина! – простонал я.

– Что со спиной?

– Болты, мать их так!

Диана странно замолчала, я только видел её крайне обеспокоенное лицо.

– Костя? Что с тобой? – подлетела ко мне Яйцерица. – Что я могу сделать?

Хрен бы знал... Боль потихоньку унялась, но ощущения неприятные оставались. Голова кружилась.

– Так, пошли-ка для начала домой, – решила Диана и полезла мне под правую руку. Под левую, не дожидаясь приглашения, нырнула Фиона.

– О, – сказал я, как только вышли из закутка. – Яйцерица, вон твой папка бежит.

К нам и вправду нёсся Яйцерик в компании пяти-шести других яиц, одно из которых тащило вилы.

– Всё нормально, – крикнула им Диана. – Ситуация под контролем. Злоумышленники успешно покараны, и всё такое...

Тем не менее, мне под нос сунули вилы.

– Не место тебе у нас, – старческим голосом произнесло яйцо.

– Знаю, – кивнул я. – Как раз над этим вопросом работаем. Яйцерик! Домой-то пустишь?

– Что ты сделал с моей дочерью? – заорал Яйцерик, стоявший рядом с парящей в воздухе Яйцериной.

– Папа, он ничего не сделал! – горячо возразила Яйцери-на. – Он спас меня! Если бы не он, эти негодяи убили бы меня!

– Смит на сарае слева, – сказал я. – На сарае справа – другое яйцо, с неустановленной яичностью.

– Яйцеглист! – процедил сквозь несуществующие зубы старик с вилами и убрал сельхозорудие от моего лица. – Эх вы их... смешно посадили.

Яйца засмеялись с облегчением. Смит и Яйцеглист сидели тихо, поняв, что влипли. Атмосфера немного разрядилась.

– А ты молодец, урод! – Старик дружелюбно стукнул меня рукояткой вил по плечу, едва не задев голову Фионы. – Не так уж плохо для яйца столь дурацкой формы.

– Спасибо, что защитил жизнь и честь моей дочери, Костя Старательное Яйцо, – торжественно сказал Яйцерик. – Что я могу для тебя сделать? Как отблагодарить?..

– Прилечь бы! – простонал я. По спине прокатилась очередная волна боли.

Всю ночь я провалялся лёжа на животе в полубредовом состоянии. И спать не спал, и не спать не не спал... тьфу, фигня какая-то. Тут и загадочное ничегошнее пойло роль сыграло, и боль в спине.

Иногда, открывая глаза, я видел Диану. Иногда – Яйцери-

ну. Обе выглядели крайне обеспокоенными моей дальнейшей судьбой.

Утром полегчало, в голове прояснилось. Я перевернулся на бок под одеялом и увидел дремлющую в кресле Диану. Несколько секунд полюбовался, потом решил, что пора включать Костю и сказал:

– Не спи, замёрзнешь! Я б согрел, но пока не в лучшей форме.

Диана тут же открыла глаза, потянулась. От сна к бодрствованию она переходила чуть ли не мгновенно.

– Давно у тебя это началось? – деловито спросила она.

– Только что, – усмехнулся я. – Польщён, что ты заметила. Не принимай особо на свой счёт, это каждое утро так.

– Костя, я тебе сейчас нос сломаю! – рявкнула Диана. – Можешь в серьёзный режим переключиться? Я пытаюсь высчитать, сколько тебе осталось!

Вот от этих слов шутить мне резко расхотелось.

– В смысле, «сколько осталось»? – Я сел в постели, широко раскрыв на Диану глаза. – Подумаешь, спину прихватило, с кем не бывает!

– У тебя в спине – имплантаты погибшего мира. Соображаешь, что это значит?

– Нет!

– Вся материя, созданная в этом мире, должна исчезнуть, – грустно проговорила Диана. – Имплантаты разрушаются, выбрасывая в твой организм продукты распада. Вот,

смотри!

И Диана показала пистолет, который отобрала у вдовы Монтреззо. Выглядел он плачевно. Половину ствола как будто термиты сожрали.

– Ну и нехай себе разрушаются, – пожал я плечами. – Отгниют, да отвалятся! Ну потерплю немного, чё там.

Диана покачала головой:

– Ты не понимаешь... Эта хрень замыкает на себя твою нервную систему. Она – твой дополненный позвоночник. Когда она исчезнет, ты останешься в лучшем случае парализованным, в худшем... Не будем о худшем, – решила Диана, глядя на мою вытянувшуюся физиономию. – Так когда начало болеть?

– Ночью и начало, – буркнул я, осваиваясь с новыми неприятными мыслями. – Когда эти полудурки напасть пытались.

– Пил перед этим?

– Угу. Хрень, которой не существует, но в голову бьёт на отличненько.

– Ясно. Значит, так. С этой минуты тебе запрещается пить и влипать в идиотские ситуации. Береги нервную систему, береги спину.

– Охренеть! – воскликнул я. – И долго я тут беречься буду?

– Долго, Костя! – повысила голос Диана. – Пока я не найду способ отсюда свалить и найти одного старого друга...

– Опять старый друг?! – взвился я.

– Сказала же, не нервничай! – Диана топнула ногой. – Этот человек – подпольный хирург, специализирующийся как раз на имплантатах, модификациях тела. Я найду его, приволоку сюда, и он тебя починит. Окей?

– Нихрена не окей! – категорически возразил я. – Никуда ты одна не потащишься. Я – с тобой.

– Не доверяешь? – прищурилась Диана.

Не без того... На астероиде она меня раз уже бросила. С тех пор мы, конечно, сблизились куда сильнее, но всё равно осадочек остался. Ответить я, однако, не успел, потому что как раз в этот момент дверь открылась, и в комнату вошли два яйца.

– А, Яйцерик, – кивнул я. – С добрым утром. Сейчас встану, и отведаем вашей потрясающей Благодати!

Я подумал, что если пустота из местной рюмки так башню рвёт, то, может, и от Благодати польза какая-нибудь появится.

– Ложись, Костя Старательное Яйцо, – сказал Яйцерик. – Это доктор Яйцедок, он заходил осмотреть меня, и я уговорил его заодно взглянуть на тебя.

– Ложись-ложись, – подхватила Диана. – Лишнее не будет.

Я улёгся на живот, подставив спину доктору. Не почувствовал ровным счётом ничего, но Яйцедок явно нависал где-то там.

– Никогда такого не видел, – услышал я его бормотание. –

Надо же... Полное отсутствие скорлупы...

Я прикрыл глаза. Да уж, крайне полезный доктор.

– Кстати, Костя, я могу тебя поздравить, – сказал Яйцери́к.

– С чем? – поинтересовался я.

– А ты не заметил?

– Яйцери́к, давай без загадок? – поморщился я. – Чего случилось-то?

– Ты пробудил своё внутреннее яйцо!

– А? – Я даже глаза открыл и посмотрел на Яйцери́ка.

– Минувшей ночью, защищая мою дочь, ты научился отличать одно яйцо от другого. Теперь я смогу доверить тебе всё, о чём мы говорили!

Глава 6

Сегодня, кажется, был международный день хороших новостей. Как только я оделся и собирался уже было выйти в столовую, на руке ожил позабытый браслет. Я обрадованно тыкнул кнопку, чтобы принять вызов.

– Наконец-то я вас нашёл! – торжественно провозгласил слегка искажённый крохотным динамиком голос Шарля. – Вы ещё живы?

– Твоими молитвами, гений! – усмехнулся я. – Когда нас заберёшь?

– Костя, тут всё непросто.

– Да кто б сомневался. Гравицапа перегорела?

– Не понимаю, о чём ты. Я трачу на этот канал огромное количество энергии, которой у меня и так всего ничего. Попасть к вам я не сумею, нет орбитальных порталов. Постарайтесь переместиться куда-нибудь поближе. В мире, где вы находитесь, есть статичный портал?

– Есть!

– Куда он ведёт?

– Ща, погоди!

Я выскочил из комнаты, трясая левой рукой и показывая на браслет пальцем правой. Диана, помогавшая Яйцерине накрывать на стол, тут же смекнула, в чём дело, и кивнула.

– Портал! – воскликнул я. – Куда он ведёт?

– S-M89623/J, – без запинки сказала Диана.

– Слышу, – отозвался Шарль. – Это мне уже по силам. Там и встретимся. Вызови меня сразу же, как переместитесь. И поскорее! Меня, кажется, заметили на орбите... Конец связи.

Браслет замолчал. Я опустил руку.

– Слыхала? – сказал Диане. – Он нас там сразу и подберёт. Я лучше в каюте поваляюсь. Шарль – гений, может, тоже чего придумает.

– Заткнись! – вдруг шикнула на меня Диана, широко раскрыв глаза.

– Чего? – не понял я.

Этими же самыми глазами Диана указала на Яйцерину, которая, паря в полуметре над полом, ставила на стол пустые тарелки. Цвета она при этом была бледно-жёлтого. И молчала. Мысленно прокрутив в голове всё сказанное сейчас, я добавил это к сказанному и произошедшему вчера, и у меня началось нехорошее предчувствие.

– А, Костя! – В столовую вошёл Яйцерик. – Встал?

– Угу, – осторожно сказал я, в кои-то веки боясь, как бы чего лишнего не ляпнуть.

– Хорошо. Садись. Сейчас мы всё обсудим.

Я сел. Слева от меня оказалась Яйцерица (она висела над стулом, не касаясь его), справа – Диана. Последней к нам присоединилась Фиона.

Я взял ложечку. Диана и Фиона повторили жест за мной.

Н-да, блин, чувствую себя – как отец двух слабоумных дочек...

Зачерпнул ничего с тарелки, положил в рот, пожевал и проглотил. Прислушался к ощущениям. Хм. Хм...

– Чувствуешь благодать? – спросил Яйцерик.

– Что-то чувствую, – не стал спорить я.

Чувство было странное и непонятное. Несмотря на то, что желудок оставался пустым, он потихоньку переставал подавать признаки голода. Жуть, до чего неприятно, а вернее непривычно. Нет уж, благодать благодатью, но на шашлычок я Фиону всё-таки разведу.

– А я ничего не чувствую, – проворчала Фиона.

– Это потому, что в вас пока ещё молчит яичность, – пояснил Яйцерик. – Тогда как в Косте она пробудилась.

– Ура, – скромно сказал я и вкинул ещё одну ложку благодати.

Фиона и Диана терпеливо повторяли за мной. Яйца же сидели неподвижно, видимо, потребляя благодать каким-то особенным, исключительно яичным бесконтактным способом.

– Итак, – сказал Яйцерик, когда я, устав от непонятных ощущений, положил ложечку. – Настало время поговорить. Всё происходит так быстро, и я... я немного...

Тут Яйцерица, необычно молчаливая этим вечером, подала голос:

– Что с тобой, папа? Зачем приходил Яйцедок?

Воцарилось тяжёлое молчание. Я переглянулся с Дианой. Она пожала плечами – видимо, не больше моего понимала.

Яйцерик вздохнул:

– Не хотел тебе говорить, пока не буду знать наверняка... Я тухну.

Яйцери́на вскрикнула и побледнела. С лёгким стуком опустилась на стул.

– Да, дочка, как бы грустно ни было, но это – факт, с которым тебе придётся смириться, как смирился с ним я. Внутри меня неоперабельная тухлость, и она растёт с ужасающей скоростью. В лучшем случае мне осталось прожить яйцо, или два...

– Нет! Нет, папа! – Яйцери́на прыгнула на пол, подкатилась к стулу отца, подпрыгнула и, подвинув его, очутилась рядом с ним. – Этого не может быть! Яйцедок ничего не соображает! Давай увезём тебя в город? Там есть клиника с настоящими специалистами. Можно будет сделать полное переливание желтка...

– Прекрати! – неожиданно жёстко оборвал её Яйцерик. – Переливание желтка? И кто я тогда буду? Я более не буду твоим отцом! Нет. Я – яйцеве́р, и я умру яйцеве́ром. Мы не признаём никаких переливаний. Если тухлость коснулась меня – значит, такова воля Высшего Яйца.

Отчётливо всхлипнула Фиона. Я покосился на неё. Сидит, слёзы утирает. Чувствительные они, алкаши эти... даже если выпить не дают. Диана держалась молодцом. По её непрони-

цаемому лицу невозможно было даже сказать, сочувствует она разыгравшейся сцене, или мысленно ржёт.

– Вот тебе мой завет, дочка, – продолжал Яйцерик. – Я вижу, что ты нашла свою судьбу. Так держись за неё, ибо эта судьба – судьба всех яйцеверов. Костя Старательное Яйцо! Подойди сюда.

Я подошёл, исполненный сквернейших предчувствий. Был у меня похожий разговор с одним серьёзным дяденькой из МВД, который обещал меня в органы пристроить и обеспечить стремительный карьерный взлёт. И даже дочка у него была фигурой на Яйцерину похожая...

– Позаботься о моей дочери, – попросил Яйцерик севшим голосом. – Она – самое драгоценное, что у меня есть. Возьми её в свои законные яйца, если ты не связан другим обетом.

– Э-э, – протянул я, с трудом удержавшись от того, чтобы посмотреть на свои законные яйца. Вместо них беспомощно посмотрел на Диану.

Диана языком мимики и жеста дала мне понять, что совсем не ревнует. Я всё равно сомневался. Посмотрел на Фиону. У той в глазах загорелись огоньки. Ну, это-то как раз понятно: где свадьба, там наливают.

– После этого я открою тебе наше оружие, – пообещал Яйцерик. – И ты поведёшь нас в бой с яйцекратами. Тебя прислали нам сами Птицы, о Костя Старательное Яйцо! Согласен ли ты?

Я с тоской посмотрел на Яйцерику, потом – на Яйцерину.

Ну и хрена мне делать? Вот уж впуск так впуск, спасибо великодушное...

– Согласен, – пробурчал я.

Яйцерица грустно-радосто хлюпнула.

– Это ненормально, – упрямо заявил я, когда мы с Дианой после завтрака уединились на крыше дома. – Это вообще хрень какая-то.

Яйцерица удалился отдыхать. После того, как ему поставили диагноз, он сразу сделался каким-то вялым и унылым. Фиона, которая всей алкашкой душой выражала сочувствие, повела безутешную Яйцерицу прогуляться в лесок.

– Костя, – терпеливо втолковывала мне Диана, – тебе надо срочно менять мышление. Или ты просто сойдёшь с ума.

– Я мышление меняю очень редко, и только на пиво. Ну ладно, ладно, не так уж редко...

– Про пиво я тебе сегодня уже всё сказала.

– Блин! – завопил я. – Да ты совсем ополоумела, женщина?! Я должен бросить пить, жениться на яйце, отдать тебе браслет и, как следствие, моего дорогого любимого Шарля! И во имя чего всё это, а? Партнёрство пятьдесят на пятьдесят? Да я на русалках больше заработаю, чем с тобой!

– Ррррррусалки кррррррасивые, – подтвердил зачем-то ворон. Я на него покосился, но ничего не сказал. Хрен его знает, может, в его родном мире и русалки водились, я ж там недолго прожил. Может, Гримуэль как-то и на русалках за-

рабатывал... Не хотелось бы узнать, как, конечно.

– А что ты предлагаешь? – Диана тоже начала кипятиться.

– Как, что? Берём оружие, бьём яйца, прорываемся к пор-
талу...

– Оружие тебе дадут только после свадьбы. Поживи
немного с Яйцериной, оставь ей приятные воспоминания.

– Так. Во-первых, я даже не очень понимаю, каким обра-
зом мне оставить ей эти самые воспоминания. А во-вторых,
всё это гнусно. Я поговорю с Яйцерином. Не должно быть
никакой дурацкой свадьбы.

– Костя. – Диана вдруг положила ладонь мне на руку. –
Мужик умирает и хочет обеспечить будущее дочери. Он не
подпишется по-другому.

– И что, я должен жениться, а потом свалить в закат?

– Именно.

– Это гнусно.

– Потому и говорю: тебе нужно менять мышление. В Сан-
саре иначе нельзя. Представь, как будто всё это... ну... ком-
пьютерные игры. Ну, ты ж не паришься, когда поиграл в од-
ну игру, а потом переключился на другую, а потом в реале
с кем-нибудь затусил?

– Хренасе, у тебя понятия, – возмутился я ещё больше. –
Это, значит, когда ты меня на астероиде кинула, ты ко мне
как к «боту» относилась?

– Угу, – немного смутилась Диана. – Меня так папа на-
учил. Жестоко, но помогает крышей не поехать.

Н-да. И вот так мне предлагается изменить мышление. Твори любую хрень и забей на последствия, потому что всё фигня, кроме агентов Альянса. Да и агенты, если разобраться, тоже фигня.

– Было пару раз... – как-то уж совсем тихо сказала Диана, – когда я только так и выжила. Всё повторяла себе: это не по-настоящему. Смотрела на эти рожи, и...

Момент глубокой откровенности закончился так же внезапно, как и начался. Диана резко мотнула головой и перевела дыхание. А я впервые задумался о том, что, вполне возможно, не в каждом приключении Диана была лихой сучкой на белом коне. Что жизнь её, вероятно, ломала куда круче, чем в наших с ней совместных «туристических поездках».

– Короче, – сказала она, глядя в сторону. – Давай без соплей. Что в том мире, в который мы переместимся – одному хрену известно. Может, там придётся сразу бежать и драться, а тебя приступом накроет. Так что останешься тут. Тут хотя бы безопасно. Яйца тебя уважают, бить не будут. Лежи, питайся благодатью. Хернёй страдать не будешь – из дома не выгонят. А я быстренько найду Кристиана и приволоку сюда. У него руки золотые, он пьяный с завязанными глазами под проливным дождём в поле операцию на открытом сердце делал. Успешно.

Что-то меня передёрнуло от такой характеристики, а от имени «Кристиан» вообще перекошило, но я промолчал. В словах Дианы слышалось до отвращения много логики.

– И давай, поторопи их с этой идиотской свадьбой, – закончила она.

– Аж не верится, что тебе так интересно спасти мою жизнь, – проворчал я.

– Костя! – Диана поднялась на ноги. – Не начинай. Давай мы со всей вот этой вот хренюю будем разбираться, когда ты будешь здоров, и мы окажемся в безопасном месте.

Я усмехнулся:

– Слушай, а у тебя вообще когда-нибудь был опыт отношений? Я, в смысле, нормальных. Основанных, там, на доверии, и ты ды, и ты пы. А не когда духами брызгаешь, жестоко манипулируешь и потом кидаешь?

Кулак замер в миллиметре от моего носа.

– Запомнил? – сквозь зубы процедила Диана.

– Запомнил, – осторожно кивнул я, начав кивок с движения головы назад.

– Молодец, что запомнил. Пошли, найдём Фиону. Я всё-таки жрать хочу до потери сознания. Благодать эта...

Но прежде чем она договорила, до нас донёсся отчаянный визг со стороны леса.

– Аврррррал! – каркнул ворон, первым срываясь с места.

– Твою мать, – выругалась Диана и, бросив на меня быстрый взгляд, добавила: – Тут сиди!

Она спрыгнула с холма и побежала в сторону леса. Я осторожно повёл плечами. Прогнулся, согнулся, разогнулся. Встал. Вроде всё работает. «Тут сиди!» Щас, ага. Раскоман-

довалась. Да я за Филеаса всех порву!

Глава 7

Бежал я быстро, но аккуратно. Обогнать Диану даже не пытался. Уж она там, если что, с яйцами-то разберётся как-нибудь, а меня если сейчас накроет – со мной и киндер-сюрприз справится.

Хорошо всё же, когда девушка может за себя постоять! Оно, конечно, приятно чувствовать себя героем-защитником, но разнообразие не повредит.

Лесок приближался. Привлечённые криком, из жилых холмов выкатывались яйца. За спиной у меня слышался отчаянный вопль – Яйцерик бежал следом, пытаюсь одновременно выяснить, что, собственно, происходит. Судя по голосу, был близок к панике. Но оно и понятно. Свалилось всё разом...

Красное платье Дианы скрылось за деревьями. Я осторожно добавил скорости. Эх, сейчас бы летающую тарелку какую-нибудь захудалую, ух, я бы выдал! Но чего нет, того нет.

Когда я добрался до леса, Диана уже выскочила обратно, сверкая глазами и держа в руках гоночный комбинезон Фионы.

– Звездец, – резюмировал я, переводя дыхание. – Зов джунглей взорвал кошке мозг.

– Да какой там мозг! – зарычала Диана и швырнула комбинезон мне. – Там записка.

– Что там? Что случилось? – врезался в меня Яйцерик.

– Папаша, ты чего так носишься? – проворчал я, разворачивая записку, которую чья-то яичная рука затолкала в складки комбинезона. – Тухляк взболтается, сепсис пойдёт, совсем мёртвый будешь.

– Вот и Яйцедок тоже так говорит, – подтвердил Яйцерик. – Говорит, нужно спокойствие... Что случилось, Костя?

Случилось, блин... Записка была короткой и категоричной: «Хочешь увидеть свои яйца живыми и невредимыми – приходи в Яйцо один, пока не взойдёт Ночное Яйцо. Придёшь не один или опоздаешь – яйца умрут».

Вокруг нас уже сгрудились другие яйца, возбуждённо переговариваясь и спрашивая друг у друга, что за фигня творится. Я показал записку Яйцерiku, и тот позеленел. Остальные яйца тоже заткнулись.

– Записка, по ходу, для меня, – предположил я. – Фиона – она, как бы, ничьё больше яйцо...

И замолчал. Потому что уж чего-чего, а девчонок у меня раньше не похищали. Уводили – ну, бывало. Арестовывали у меня на глазах – безусловно. А вот похищение – это впервые.

– Кто... Кто мог такое сделать? – прошептал Яйцерик. – Яйцекраты? Они! Они перешли все границы яичного!

– Одумайся, Яйцерик, – подал голос кто-то из толпы. – Какие тебе яйцекраты? Смит это. Смит Гладкое Яйцо.

– Не может быть! – взвыл Яйцерик. – Чтобы один из нас...

– Ему нанесли оскорбление, – сообщило то яйцо, что ми-

нувшей ночью тыкало в меня вилами. – Теперь он будет мстить. Как умеет. То есть, подло.

– Не верю, не верю! – стонал Яйцерик.

– Ну, знаешь, – пожала плечами Диана, – я вот тоже до недавнего времени в говорящие яйца не верила. Однако если они разговаривают – тут уж верь не верь, а факт остаётся фактом.

Пока Диана прочищала безутешному папаше мозги, я думал в записку. «Приходи в Яйцо». Почему-то мне сразу сделалось понятно, что имеется в виду тот подземный клубешник. Вопрос о том, как именно местный язык взаимодействует с мозгом, я отложил на потом. На какой-нибудь крайне потомственный потом.

Смит велел ждать ночи. Зачем? Что он сделает с девчонками?.. Ну, с Фионой-то, допустим, ничего он особого не сделает, тупо нечем. А вот с Яйцериной – запросто может. Наверное. Я так и не успел разобраться в тонкостях половой жизни яиц. Да может, и не надо разбираться – поберегу психику. Права Диана, надо менять сознание. Меньше знаешь – крепче спишь.

Если уж Смит пообещал показать девчонок живьём, то самое страшное, что он может сделать с Фионой – это бухать у неё на глазах, а ей не давать. Страшная китайская пытка, конечно, но фигня, переживёт. А вот если этот хрен с моей невестой что-то сделает?

– Это яйцекраты! – голосил Яйцерик. – Они обезумели!

Костя Старательное Яйцо, пойдём, я дам тебе оружие! Мы пойдём на них войной! Мы вернём мою дочь!

Он, очевидно, схватил меня за руку. Во всяком случае, меня что-то совершенно явственно тянуло куда-то в сторону. Я поймал взгляд Дианы. Станный такой взгляд, пытливый.

Я вдруг вспомнил, как она сто раз говорила: «Да нахрена нам эта кошка?!». Как несколько минут назад, сидя на крыше, убеждала изменить сознание, чтобы жениться на Яйцерине, а потом бросить её.

Ну, вот он шанс. Яйцерик от горя тронулся и отрицает очевидное. Всего-то надо взять это его оружие, прорваться к portalу – и сайонара, жестокий мир. Можно даже будет убеждать себя, что Фиону отпустят за ненадобностью, и она будет радостно жить голая на лоне природы, наконец-то обретя счастье.

И ведь, в принципе-то, почему бы и нет...

– Вот что я тебе скажу, Яйцерик... – вздохнул я, патетически скомкав бумажку с запиской.

– Ругаться будешь? – осторожно спросил я Диану, когда мы с ней оказались наедине в кухне Яйцерики.

– Нет. – Диана закрыла дверь, подошла к окну и задёрнула занавески. – Сил у меня уже нет ругаться. Как же я с вами мучаюсь...

– Знаешь, почему у верблюда два горба?

– Знаешь, что есть одногорбые верблюды? А в мире К-

Y89011/M – трёхгорбые.

– Ой, ну чё ты начинаешь, прямо как Шарль?

Диана повернулась ко мне, уставилась тяжёлым взглядом.

– Костя, мне уже по самые гланды задолбалось сидеть в этой глуши, стирать вручную бельё каждый день, мыться в холодной реке...

– Стоп-стоп-стоп, – оборвал я её, подняв руку. – С этого места поподробнее. Когда ты мыться ходишь? Почему я не вижу? А я бы согрел!

Диана вздохнула, подошла ко мне и тукнула смартфоном по голове.

– Чтоб такую девушку, как я, согреть, нужно хребет нормальный. А не так, чтобы через каждые полчаса «ой, мама, мне больно, давай просто полежим».

– Угу, как с Амадеем – так и просто полежать норм, а как Костя – так впрягайся и паши четыре часа без перекуров, а то брошу, – обиделся я.

– Ну и где теперь этот Амадей? – резонно спросила Диана.

Хм, ну да... Амадея-то Шарль-Переродившийся пристрелил, и Диану этот момент не особо парил. А ведь есть же ещё где-то этот Шарль... Переродился опять в каком-нибудь мире с быстрым временем, восстановил память, прокачался и строит жуткие козни.

Но эти свои тревоги я предпочёл не высказывать. Потому что ситуация-то действительно аховая – каждый час на счету. А мы, вместо того, чтобы прорываться к portalу, разра-

батываем спецоперацию по спасению яйца и кошки.

– Ладно, слушай сюда, – поморщилась Диана. – Я тут тоже не просто так загорала. Я изучала местную фауну. Яйца нас очень плохо различают. Помнишь, Яйцерица поначалу приняла тебя за Фиону? Мы для них все на одно лицо. Собственно, они даже лица-то не воспринимают. Они видят в нас яйца. И друг в друге они видят яйца. Каким-то особым зрением. Подозреваю, что наши глаза тут и половины не фиксируют, что очевидно для местных. Мир глючный, но не на коленке сделанный.

– Так, – кивнул я.

– Раздевайся.

– С этого и надо было начинать! Дёрни молнию сзади. Не, погоди, сначала я тебя раздену, мне так больше нравится.

Я ещё раз получил смартфоном по голове.

– Костя, ты тупой?.. Вместо тебя в тот подвал пойду я!

Я два раза моргнул, как дебил.

– Не понял... А что ты там делать будешь?

– Как, что? Перебыю яйца и выйду!

Бывает, озвучит кто идиотский план – и ты такой: «Да! Да здравствует! В атаку!». А бывает, вроде и дельные вещи говорят, а ты: «Да ну нафиг! Бред!». Вот и сейчас.

– Спятила? – Я отшатнулся. – А если тебя раскроют? Нет, без «если». Тебя раскроют!

– Да? – Диана сложила руки на груди. – И как?

– Не знаю... Голос. Характер. Я, например, как зайду –

сразу перестебу всех так, что они меня убить захотят, хоть и не поймут нихрена. А ты так не сумеешь, ты только нахамить можешь. Яйцерица в меня влюблённая, она сразу смекнёт, что ты – не я. Крикнет чего-нибудь – и привет. Да и Фиона, знаешь, при всём моём к ней уважении, не Эйнштейн ни разу. Завопит: «Диана, спаси меня!». И потом – ты ж яйца не различаешь! А если убьёшь случайно Яйцерину? Тут-то нам Яйцерик благодарность и объявит. С занесением.

– Твою мать! – выругалась Диана. – Нет, тебя точно надо отсюда скорее вытаскивать. Яйца меняют твой мозг!

– Сама хотела, чтобы я мышление изменил! Ладно, всё, твой план – говно, отбой. Раздевайся, думать будем.

– Хрена там думать, – отмахнулась Диана. – На лучше, сунь себе куда-нибудь.

Она протянула мне здоровенный пистолет, из которого, кстати, и грохнули в своё время печально известного Амадея.

– Там осталось два заряда. Любое яйцо разорвёт в клочья, а заодно поджарит. Хоть с костром не будем мучиться.

Зарядов в пистолете изначально было гораздо больше, но я активно отстреливался от голема, пока Диана не сказала мне перестать заниматься фигнёй и лучше бежать. И, кстати, да, яйца от выстрелов взрывались так, что любо-дорого посмотреть.

– А он не разрушается? – спросил я, вертя пистолет в руке.

– Нет. Он ведь не из Амадеевского мира.

Я попытался чисто автоматическим движением сунуть пистолет за пояс. Хрен там, пояса-то не было. И застёгивался комбинезон – сзади. Просить Смита Гладкое Яйцо подождать, пока я, матерясь и извиваясь, не достану оружие – это уже клиника. Смит, конечно, придурок, но не до такой же степени.

Диана тоже озадачилась. Взяла со стола нож, нерешительно предложила:

– Давай прорезь сделаем?

– Давай, – обрадовался я и натянул ткань комбинезона на боку. – Вот ту...

Ткань легко треснула и разошлась сама по себе. Я едва руки убрать успел, а то вообще дырень на всё пузо бы получилась.

– Что за хрень? – удивился я. – Вроде ж плотная была...

Тихонько заныли болты в спине, но я на это даже внимания не обратил, потому что взгляд упал на платье Дианы. Левая бретелька чуть ли не под моим взглядом стремительно истончилась и лопнула. Диана подхватила платье раньше, чем оно успело показать что-либо интересное.

– А, ну да, логично, – сказал я.

Диана как-то нехорошо побледнела.

– Вопрос жизни и смерти, – сказал я, глядя ей в глаза. – А вот то самое бельё, которое ты каждый день стираешь, оно из Амадеевского мира? Или Альянсовское, казённое? Я просто так спрашиваю, ты не подумай.

Нож как-то внезапно оказался у моего горла.

– Косссссся, – прошипела Диана, будто змея. – Слушай меня внимательно. Быстро спасаешь своё ненаглядное яйцо, берём оружие и валим из этого грёбаного маразма!

– Да не расстраивайся так, я тебя и без одежды любить буду...

– Костя! – взвизгнула Диана.

– Занавески есть, на крайняк...

Диана, молча зарывав, замахнулась на меня ножом.

– Ладно-ладно, всё, понял. Бегу совершать подвиг. Щас только пушку куда-нибудь примастырю...

Глава 8

Я вышел из дома и на глазах сотен яиц героической походкой направился к знакомому с ночи сараю. Идти героической походкой было трудно, мешало осознание того, что комбинезон в любой момент может лопнуть в неожиданном месте, а то и вовсе исчезнуть. Плюс, под большим сомнением спина.

Про себя я загадал, что если приступ начнётся, то сразу упаду на четвереньки, достану ствол и буду палить. И хрен с ними, с мирными переговорами, жизнь дороже. Самому попадать в яйцеплен как-то не хотелось. Убьют ещё, а я даже Диану голой не видел, не говоря уже про потрогать.

Когда до сарая оставалось шагов двадцать, дорогу мне заступило яйцо. Я остановился. Прищурился и вдруг осознал, что яйцо выглядит знакомо. Нет, раньше мы не встречались, но черты яйца напоминали Смита. Или, если уж называть вещи своими именами, черты яйца Смита напоминали черты яйца этого яйца. Тьфу! А-а-а-а, права Диана, валить отсюда надо, пока вообще крышей не поехал. А то стану яйцекратом, буду сидеть в чистом поле и ждать прихода, как тибетский монах какой-нибудь.

– И что это ты задумал? – мрачно сказала яйцо-папа.

Я остановился, покрутил головой. Все яйца держались на почтительном отдалении, но явно смотрели в нашу сторону

своими этими... Да какими глазами – яйцами!

– Гуляю, – осторожно сказал я. – Свежим воздухом дышу.

– Ты знаешь, кто я такой?

Я сделал вид, что внимательно рассматриваю яйцо, потом широко раскрыл глаза:

– Саня, ты?! Эк тебя, соловушка, распёрло! Как жизнь, как семья? За грибами пойдёшь? Зефирки на костре пожа...

– Меня зовут Джон Ячменное Яйцо, – невежливо перебил меня собеседник. – Это – моя деревня.

– Как так? – усомнился я и осторожно потрогал через комбинезон рукоятку пистолета. – Вроде Яйцерик старостой трудится.

Яйцо фыркнуло:

– Старостой! Детишки могут играть в какие угодно игры, это никак не отменяет того, кто управляет миром на самом деле. Я. И такие, как я.

– А вы, простите, Творец будете? – вежливо улыбнулся я.

– Творец?! – Яйцо расхохоталось. – Ты что, как маленький ребёнок, веришь в Творцов? Может быть, ещё веришь в то, что яйца после смерти превращаются в птиц?

– Чё сразу ребёнок-то? – обиделся я. – Я сам видел, как яйца после смерти превращаются, на ВВС. А Творца – так и вовсе своими глазами видел. Правда, только одного и бес-толкового, но...

– Заткнись, – снова нахамило яйцо. – Я контролирую все поставки алкоголя в этом регионе. Вся экономика этого по-

сёлка держится на мне. Если я всего лишь захочу – больше половины яиц окажутся на улице, без средств к существованию. Это – мой посёлок!

– Ну, забирай, – пожал я плечами.

– Чего? – опешило яйцо.

– Посёлок. Раз твой – забирай. Мне чужого не надо.

Джон Ячменное Яйцо несколько секунд молча сверлил меня яичным взглядом.

– Да, мне говорили, что ты постоянно несёшь чушь. Ребёнок и есть ребёнок, я не строю иллюзий. Перейду к делу. Сейчас ты извинишься перед моим сыном и навсегда забудешь про его невесту. Он – мой сын, и когда ему чего-то хочется – он это берёт. Никто, кроме меня, не имеет права стоять у него на пути, ясно? Своё яйцо можешь забрать. А потом я позволю вам троим уйти отсюда живыми.

Тут мне мучительно захотелось поднять ногу и легонько толкнуть этого яйцегнома, чтоб упал. Будет он мне тут ещё пальцы гнуть! Да видал я таких... на сковородке. Во, даже в желудке заурчало. Благодать Благодатью, а яичница – яичницей. Особенно если с хлебушком.

Под моим взглядом, выражающим питательные мысли, Джон Ячменное Яйцо занервничал и откатился назад на пару яйцешагов.

– Ты понял меня? – крикнул он.

– Да ну, куда уж мне. Я ж тупой – забыл? Как ребёнок. Где мне такие вещи понять.

Все остальные яйца так и стояли вокруг, на почтительном расстоянии, не решаясь даже пикнуть. Только двое презрели страх. Яйцерик стремительно перекатывался в нашу сторону, а следом за ним сурово шагала Диана Отважное Яйцо, придерживая одной рукой прохудившееся платье. Платье, кажется, стало тоньше, через него что-то там соблазнительно просвечивало. Эх, пожить бы тут ещё денёк-другой... Хорошее, в общем-то, местечко.

– Что ты себе позволяешь, Джон Ячменное Яйцо? – заорал Яйцерик, едва докатившись до меня. – Как смел твой сын похитить мою дочь?

– Слушай сюда, тухлый, – сказал Джон, и Яйцерик от этого слова побледнел, пошёл нездоровыми белёсыми пятнами. – Твоя дочь принадлежит моему сыну, потому что он так хочет. И если бы твой желток не совсем протух, ты бы понял, что нужно радоваться. Тебе, ничтожество, выпала честь породниться со мной. Твоя дочь будет жить, как у яйца за пазухой, да и ты на старости лет наконец-то выбьешься в яйца...

Речь Джона Ячменное Яйцо оборвалась, потому что мы с Дианой хором заржали. Наш смех взбесил Джона – он сделался едва ли не чёрным. А вот Яйцерик наоборот приободрился, налился нежно-голубым цветом.

– Не нужны нам твои деньги, Джон. Оставь их при себе, они пахнут пролитым белком и желтком. Слишком долго я терпел твоё самоуправство в моём посёлке. Но это была последняя капля!

Джон расхохотался:

– Ты?! Хочешь изгнать *меня*? Да тухлость совершенно выела тебе желток! А как же твоя великая война с яйцекратами? Где ты возьмёшь оружие, если не я?

– Мне уже давно ничего от тебя не нужно!

– И вообще, – вмешалась Диана, – не слишком ли много пафоса от чувака, которого я могу одним пинком превратить в вонючую лужу с осколками скорлупы?

Яйца вокруг встревоженно загомонили. Джон заволновался и откатился ещё чуть назад.

– Вы пожалеете! – крикнул он. – О своём поведении, о своих словах – вы пожалеете! Я превращу этот посёлок в пустыню!

– Да превращай хоть в задницу, – психанул я. – Только с дороги уйди. Я с твоим сынкой парой слов перекинусь.

Стою тут, время трачу, а болты в спине так и болят, так и болят...

Я обогнул Джона и подошёл к сараю. В этот раз никакое расторопное яйцо на подмогу не кинулось. Пришлось самому открывать двери.

– Если на скорлупе моего сына появится хоть трещинка, тебе конец, урод! – орал мне вслед Джон Ячменное Яйцо. – Я сварю тебя всмятку, ты слышишь меня?

– Слышу, слышу, – откликнулся я голосом зайца из «Ну, погоди!» и поднял с пола цепь.

Когда я стащил крышку со входа в подземелье, Диана ме-

ня окликнула по имени. Я повернулся.

– Давай, – кивнула она с совершенно серьёзным видом. – Удачи!

Я молча кивнул в ответ и пошёл вниз по деревянным ступенькам.

Как и ночью, снизу брезжил свет. Я уверенно шагал, только вот в глубине души уверенность как-то колебалась. Ну казалось бы – смех один. Яйца захватили в плен яйцо и кошкедку с душой алкаша. Идиотизм чистой воды, работы – на три пинка. Но, блин, всё равно страшновато. А это очень плохо, потому что когда мне страшновато, я особенно гоню.

– Дрррррруг! – вдруг раздалось сзади.

В затылок прилетел порыв ветра, поднятый крыльями, и на плече очутился ворон.

– О, привет, – обрадовался я компании. – Где был, чего видел?

– Сррррррань и дрррррянь, – отчитался ворон.

– Тебе надо мышление изменить, – посоветовал я. – А то ты какой-то пессимистичный. Радоваться надо жизни!

– Neverrrrrmore! – заявил ворон и тукнул меня по голове клювом. Несильно. Как Диана – смартфоном. Спелись они всё-таки. Чему б хорошему друг друга учили, а не Костю бить.

У нижних дверей привратников нынче не было – видать, Смит им выходной дал. Я толкнул двери, вышел в зал, который, по сравнению с тем, что было вчера, вопиюще пустовал.

– Костя! – завопили хором Фиона и Яйцерица. Вопили так себе, я скорее угадал, о чём они, чем расслышал. Рот Фионы был заклеен, Яйцерицу тоже каким-то образом заглушили.

Они обе стояли на сцене, спиной к спине. Вернее, спиной к яйцу. Привязанные к шесту чем-то вроде скотча так, что двинуться не могли. Шест я вчера как-то проглядел. Наверное, тут ещё и яйцестриптиз танцуют, что бы это ни значило.

– Так-так-так, – слышался мерзкий голос.

Я огляделся.

Яиц было пятеро. Трое вчерашних, плюс двое дополнительных. Они зловеще распространились по залу, но сейчас медленно и тоже зловеще сползались в кучу, отделяющую меня от пленниц. У одного яйца на макушке был наклеен крест-накрест пластырь – памятка от знакомства с вороном. Он же больше всех и нервничал:

– Тебе было сказано, чтобы пришёл один!

– Я и пришёл один, – пожал я плечами.

– А птица?

– А птица – предмет тёмный и обследованию не подлежит.

– Чего?

– Того! Вы зачем с Фионы скорлупу сняли, извращенцы малолетние?

– Заткнись, – сказал Смит Гладкое Яйцо. У них с отцом и голоса похожие, и манера речи. Любят приказывать. – Мы раздели твоё яйцо, потому что яйца не должны одеваться. Вы пришли в мой посёлок, ходите тут, выглядите, как не пойми

что. Думаете, вам всё позволено, да? Думаете, можно просто так взять и посадить Смита Гладкое Яйцо на сарай?

У яиц появилось оружие. Смит помахивал цепью. Тот, с пластырем на башке, обзавёлся бейсбольной битой. Я за чем-то представил себе яйца, играющие в бейсбол... Ой, нафиг, лучше не представлять. У троих остальных возникли нож, кастет и «розочка» из разбитой бутылки. Особенно эпично смотрелся висящий в воздухе кастет.

– Ты не бойся, – ласково заговорило крайнее справа яйцо. – Мы тебе только объясним немного, как правильно себя вести. А потом заберёшь своё яйцо и вали, куда хочешь.

Поскольку пацаны обнажили оружие, я тоже решил, что стесняться нечего, и достал из дырки в комбинезоне пистолет. Впечатления это не произвело никакого. Пятёрка двинулась на меня, потешно перекатываясь.

– Ребят, честно, у меня патронов не хватит в потолок стрелять, – сказал я. – Перебыю же к чертям свинячьим, безо всяких предупредительных выстрелов. Сдайте назад, пока не поздно.

Яйца, будто не услышав, катились. Яйцерица и Фиона пытались чего-то визжать. Я вздохнул и прицелился в самое расторопное яйцо. Хрен с ним, яичница так яичница, было бы заказано.

Однако выстрелить я не успел. В затылок мне что-то со страшной силой ударило. Это что-то тут же лопнуло и растеклось по затылку, хлынуло омерзительно тёплой слизью за

шиворот. Я не удержал равновесия, полетел носом в пол. Ворон, возмущённо каркая, поднялся под потолок и оттуда заорал:

– Яйцекррррраты! Прррррредательство!

– Бей его! – крикнул Смит Гладкое Яйцо.

Я попытался встать, но тут спину схватило так, что слёзы из глаз брызнули. Как же вовремя! Что ж за жизнь такая пошла!

Пришлось пассивно откатиться – и правильно я сделал. В пол, там, где только что лежал, ударил кастет и выбил каменную крошку. Мощно лупит, однако!

Оказавшись на боку, я нашёл взглядом то, что ударило меня сзади, и нехорошо выругался.

– Вот мы и встретились, наконец, – произнёс яичный голем высотой почти до потолка.

Одна его рука была чуть короче другой – после того подзатыльника, что он мне вlepил.

Что-то стукнуло. Я перевёл взгляд на двери и увидел, что они закрыты на внушительной толщины засов.

Глава 9

Думать надо было быстро, и шестерёнки у меня в голове завертелись со страшной скоростью. Помимо пяти яичных мажоров, нарисовался ещё здоровенный голем. А это – плюс десятка два яиц, отрицающих яичность. И на всё про всё – два заряда.

То, что яйцекратов стрельба не пугает – это я уже понял, в

самом начале. Их вообще ничто не пугает, ребята сильно отмороженные по части отрицания яйчности. Выстрелю в голема, одно яйцо взорвётся, ну, два, если повезёт. Остальные перестроятся и кинутся в атаку. Смит с друзьями, может, и вздрогнут, но, увидев отвагу голема, тут же бросятся на подмогу. Фигня, меня ж тут прикончат.

Мне показалось более целесообразным пристрелить кого-нибудь из компании Смита, чтобы хотя бы они обделались от ужаса с гарантией. Мучиться выбором я не стал. Взял на мушку того придурка, с пластырем на башке, и выстрелил.

Грохнуло от души, акустика тут была хорошая. «Меченое» яйцо взорвалось, разлетелось буквально вдребезги. А что особенно ценно – его бейсбольная бита, вертясь, полетела в сторону и воткнулась в бок другому яйцу. Это яйцо, мученически вскрикнув, выронило «розочку» и покачнулось.

«Пробитое тело наземь сползло, – почему-то вспомнилось мне. – Приятель впервые покинул седло...» С Фионой переобщался, не иначе, стихи в голову лезут.

Расчёт полностью оправдался. Смит и трое оставшихся яйцемажоров застыли на месте, белея от ужаса. А вот яйцекратский голем даже яйцом не повёл по поводу случившегося. Просто попёр на меня, звонко цокая яйцами по каменному полу.

Я попытался встать. Спина сделала мне огромное одолжение. Боль не прошла совсем, но утихла, оставив возможность двигаться. Чем я и воспользовался. Отскочил с пути голе-

ма и побежал на трёх яйцемажоров, что-то страшно крича. Детишки, основательно обделавшись, раскатились в разные стороны.

Добравшись до издыхающего яйца с торчащей вверх битой, я схватился за рукоятку.

– Стой! – раздалось снизу. – Не вытаскивай! Белок смешается с желтком, и я умру! Надо вызвать врача! Кто-нибудь, позовите Яйцедока!

В общем, вытаскивая биту, я испытывал угрызения совести. Но, блин! Этот парень знал, на что шёл, значит, должен был быть готов к такому исходу. Но он явно был не готов. Ни одному придурку даже в голову не пришло, что им будут оказывать сопротивление, и они при этом даже могут потерпеть поражение. Нет в них самурайского духа, вот ни капельки.

С биты упала густая капля. Яйцо на полу захрипело и сделалось молочно-белым. Больше оно уже не говорило. Я повернулся к Смигу. Он и двое его коллег нерешительно покачивались на месте.

– Ну чё, ребята, кто следующий? – спросил я, сделав зверское выражение лица, хотя в этом вроде как не было смысла. Яйца, если верить наблюдениям Дианы, в выражениях лиц не разбирались, они считывали что-то другое.

– А-а-а! – заорало яйцо с кастетом и бросилось к двери.

– Стоять! – спохватился Смит. – Не смей!

Смит побежал за яйцом. Третье, бросив нож, покатилося к стойке, за которой я вчера пил загадочное ничто. Похоже,

тут беспокоиться больше не о чем. Оставался голем.

Голем, пробежав по инерции несколько шагов, развернулся и вытянул руку ко мне. Я, шестым чувством сообразив, что за этим последует, выронил пистолет. Перехватил биту двумя руками, как заправский бейсболист, и кивнул:

– Ну, давай!

Яйцо, которым заканчивалась рука, полетело на меня со скоростью пушечного ядра. Я махнул битой, она врезалась чётко по центру. Руки ощутили сопротивление среды. Бита прошла сквозь яйцо, и меня окатило потоком желтка с белком.

– Тьфу! – Я сплюнул яйцо, попытался рукавом протереть глаза, но рукав тоже был весь в яйце. – Да что ж вы за отморозки-то такие?!

И тут в меня врезалось следующее яйцо. Это сбilo меня с ног. Я упал на пол, прямо этими злополучными болтами. Боль просто взорвалась в спине, белой вспышкой озарив сознание. Я попытался заорать, но рот залило яичной массой. Бита выкатилась из ослабевшей руки.

– Засррррранцы! – как из другого мира доносился до меня крик ворона. – Отморррррозки!

Птица мало чем могла мне помочь. Я сам тоже не мог себе помочь. Я задыхался от яйца и корчился от боли в спине. В эти секунды даже смерть не казалась мне таким уж плохим вариантом. Ну, сдохну. Ну, реинкарнирую где-нибудь. Может, Диана меня отыщет и пробудит память. Может быть,

даже я перерожусь почти таким же красавчиком, как сейчас.
– Не трожь дверь, придурок! – орал Смит.

Не-не, пусть потрогает, чего там. Глядишь, откроет. Ворвётся Диана и всех положит. Уж в текущей-то ситуации ей несложно будет понять, ху из ху. Явно то яйцо, что на сцене к шесту привязанное, это не Смит. А остальных можно валить. Только вот справится ли она... Голем – тварь коварная. Он даже гибель любой своей части умудряется себе на пользу обернуть.

Я услышал знакомое цоканье. Цоканье приближалось.

Наконец, получилось, собрав остатки сил, выплюнуть ту дрянь, которой забился рот. Уж чего-чего, а сырые яйца глотать я не собирался, потому что фу. Вдохнул, выдохнул. Повернулся на бок, и спину чуток отпустило. Слава богу, значит, это просто из-за неудачного падения, а не очередная порция разложившихся болтов в спинномозговой жидкости.

Я зашарил рукой по полу в поисках пистолета, но нащупал только рукоятку биты. Тут же получилось, наконец, разлепить глаза. Сквозь потёки слизи, я разглядел катящегося ко мне Смита. Эх, не ударить толком с такого ракурса. Встать бы, да не успею. Голем уже тут.

– Прими смерть! – загрохотал он голосами всех своих яйц. – За Короля-Яйцо! За яйцекратов!

Руку с битой я вскинул вверх, пытаясь выставить хоть какую-то защиту. В эту защиту и ударило следующее яйцо. Хорошо хоть я был в профиль, залило только левый глаз. Рука

от удара согнулась, бита стукнула по полу.

И тут я увидел пистолет. Он валялся в шаге от меня, и к нему приближался Смит.

– Не трожь! – захрипел я. – Он заколдованный!

Больше как-то ничего в голову не пришло. Когда я был мелкий, меня пугали фразой: «Там электричество!». Про электричество я очень хорошо знал, потому что однажды, забравшись на стол, сунул шпильку в розетку. Когда меня вытащили из-под стола, то объяснили, что в розетке живёт электричество, с которым ни фига шутить не надо. У яиц электричества не было, так что пришлось импровизировать.

– Прощайся с жизнью, урод! – завопил Смит.

Пистолет взлетел в воздух, послушный его невидимой руке. Смит прицелился в меня. Я, разинув рот, смотрел на него, не веря в то, что вижу.

– Может, не надо? – робко спросил я.

– Никто не смеет трогать мои яйца, – заявил Смит.

И выстрелил.

Всё бы хорошо, но этот придурок держал пистолет стволом к себе. Неудивительно, в общем-то – если он впервые увидел огнестрельное оружие. Небось, вообще не догнал, что это и как работает, понял только, что смертоносное.

Смит взорвался красивым яичным фейерверком, опять обдав меня яичными потрохами. Кусочком скорлупы мне царапнуло щеку. Истошно завизжала Яйцерица...

– За Короля-Яйцо! – рявкнул голем.

Эмоций по поводу случившегося у него, кажется, не было. Он психовал только из-за того, что я случайно упал в какого-то идиотского «Короля-Яйцо», а я, блин, даже виноват в этом не был! Виноват неудачно открывшийся портал, который вообще-то открывала Диана, а никак не я. Вот вечно так, Костя – жертва обстоятельств, а на него всех собак вешают. Вернее, все яйца.

Я откатился в останки Смита. Попытался встать, уперся рукой в пол. Ладонь скользнула по желтку, я упал в него лицом. Твою мать... Ладно, для меня это всё – досадные помехи. Фиона, может, даже мысленно ржёт. А вот что будет с психикой Яйцерины – этого я даже представить не мог. Ведь, по сути, я сейчас барахтаюсь в останках её бывшего. Вообразив, как бы выглядела сцена, будь Смит человеком, я и сам чуть не сблеванул, но сдержался.

Там, где я только что лежал, разбилось ещё одно яйцо – голем нанёс удар. Я, наконец, сумел подняться. Сперва на четвереньки, потом – на дрожащие ноги. Поднял биту, нащёл голема взглядом.

Голем стал пониже. Разбив очередное яйцо, он перестраивался, рост его уменьшался, ширина тоже. Дикая гадость. Если раньше у меня всё-таки маячила мысль, что можно просто взять палки и прорваться к portalу, то сейчас я убедился, что это – бред. Здесь голем из двадцати яиц (ну, уже поменьше), а там этих яиц – тысячи. Да нас элементарно в белке с желтком утопят.

Яйцо-голова повернулось ко мне. Голем сделал шаг. А я вдруг понял, что смотрю на одно из яиц грудной клетки монстра. Что-то щёлкнуло у меня в голове, я широко раскрыл глаза:

– Яйцессандра? Яйцессандра... Великолепная? – добавил я, покопавшись в памяти.

– Так меня звали в миру, – отозвалось яйцо тонким одиноким голосом. – Теперь я отрицаю свою яичность.

– Но как же... Как же остальные? – офигев от такого предательства, страшным шёпотом спросил я.

– И остальные – тоже, – подтвердила мою догадку Яйцессандра. – Мы осознали, что яйцекраты правы. Только их вера – истинная. И яичность – это то, что мешает нам переродиться в прекрасных птиц.

– Сволочи! – заорал я. – Яйцерик вам верил!

И бросился в атаку, замахнувшись битой. Навстречу мне полетело яйцо. Встретить удар я не успел, яйцо врезалось в грудь. Из лёгких вылетел весь воздух, меня отбросило шага на четыре. Повезло – ботинки проскользили по Смитовским потрохам, и я даже не упал.

– Херррррачь! – надрывался ворон, кружась под потолком. – Херррррачь урррррода!

Ободрённый этим напутствием, я опять побежал, разбрасывая ногами останки Смита. Голем швырнул очередное яйцо. Я отмахнулся битой, разбил его, пробежал сквозь яичный фонтан и наконец-таки огрел голема битой. Бита про-

шла сквозь «тело» наискосок, от «плеча» до «бедра», и вышла наружу.

Голем вскрикнул всеми оставшимися голосами и рассыпался. Верхние яйца разбились об пол, нижние просто раскатились. Я хладнокровно добил их несколькими ударами и замер, тяжело дыша.

Как-то попалась в интернете картинка, где двое детей не то дерутся, не то играют в луже, кругом брызги летят. И какой-то гений фотошопа заменил цвет, превратив воду в кровь. Выглядело эпично. Вот если бы сейчас кто-то сделал то же самое с белком и желтком... Н-да, фильм с такой трэшовой сценой даже в прокат бы не выпустили. Разве что с пометкой 21+.

Послышались шаги. Я обернулся. В зал влетела Диана, следом за ней – Яйцерик. Увидев меня, с битой, покрытого яичными потрохами и стоящего на мёртвых яйцах, Яйцерик ахнул и повалился в обморок. Диана повела себя более хладнокровно.

– Н-да, вижу, ты старался, – сказала она. – Я бы так чисто и аккуратно сработать не смогла, что и говорить.

Я развёл руками – мол, что поделаешь, обстоятельства.
– Яйцекрррраты! – поддержал меня ворон. – Прррррреда-тельство! – и спикировал Диане на плечо. Ко мне, наверное, побрезговал – я же грязный.

Отбросив биту, я подобрал валяющийся неподалёку нож, подошёл к сцене и, запрыгнув на неё, освободил пленниц.

– Костя, ты – настоящий герой! – сверкая глазами, сообщила мне голая Фиона. – Я никогда не видел подобного. Это была грандиозная битва! Мне теперь хочется написать о тебе стихи.

– Давай, потом? – попросил я. – Сейчас лучше прикройся чем-нибудь, ты смущаешь мой разум. Вернее, то, что от него осталось.

А Яйцерица шарахнулась от меня и, издавая горестные вопли, побежала... Сперва я подумал, что к отцу. Но она до него не добралась. Остановилась возле одной из яичных луж.

– Смит! – голосила она. – Смит Гладкое Яйцо! Любимый мой! Какой ужас!

Общее мнение по поводу этой душераздирающей сцены выразил ворон, негромко каркнув:

– Дурrrrrrrра.

Глава 10

– Эй, старик. Давай, просыпайся. – Я нежно похлопывал Яйцерику по яичным щекам.

Мы перетащили его в дом. Тащить пришлось втроём, потому что у меня в любой момент могла накрыться спина, Диана одной рукой придерживала платье, а Фиона тоже одной рукой фиксировала на себе скатерть, которую стирала со столика в клубе. Вся наша команда при этом была крайне нестабильна, и я всерьёз опасался, что мы кокнем Яйцерику по дороге, но обошлось.

Никто, что характерно, помогать нам не кинулся. Впрочем, их можно было понять, учитывая, как я выглядел – с ног до головы в яичной массе. Вот я лично подошёл бы к залитому явно чужой кровью человеку помогать тащить куда-то другого бесчувственного человека? Чё-то хз, честно говоря.

Краем глаза я заметил Джона Ячменное Яйцо. Он, увидев меня, покачнулся, развернулся и вчистил бежать, смешно переваливаясь, как и подобает яйцу. Будет теперь ещё и отсюда что-то эдакое, неприятное. Короче, валить отсюда надо, и чем скорее – тем лучше.

– Валить надо, – эхом отозвалась на мои мысли Диана, когда мы наконец-то положили Яйцерику в его постель.

– Кого? – отважно спросила Фиона.

– Да всех, – проворчал я. – Задолбали!

В этот момент, как ни странно, думал об Яйцерине. Ведь вся такая влюблённая была, аж летала. И чего? Сидит там теперь, ревёт в луже Смиа. Вообще, что-то мне в этой Сансаре катастрофически не везёт с амурами. Тян – мужик, Диана – стерва-одиночка, Розалинде нужен был только секс, Элегия – попсовая фанатичка, а Яйцерица – дура. К тому же – яйцо.

Чтобы свалить, нужно было оружие. Чтобы валить всех – тоже. А чтобы получить оружие, нужен был Яйцерик. Вот я и похлопывал его по яйцу, понятия не имея, что ещё нужно делать. А Диана с Фионой стояли сзади, с любопытством наблюдая за моими действиями.

– Может, он – того? – нерешительно спросила Диана. – Ну... протух? Окончательно?

Яйцерик, конечно, был бледен, как смерть. Точно так же побелело то яйцо, из которого я выдернул биту. Пульс щупать – смысла нет. Как вообще отличить мёртвое яйцо от живого? Н-да, медицинского яйцеобразования мне не хватало катастрофически.

– Где он? Что с ним? – послышался голос, и дверь в комнату распахнулась.

Вбежал Яйцедок.

– Ну, слава яйцу! – вздохнул я. – Упал в обморок. Не знаю, что с ним...

– Убирайтесь! – крикнул Яйцедок и, подкатившись к кровати, толкнул меня в бок. – Откройте окна и убирайтесь, ему нужен воздух!

– Так он жив? – уточнила Диана.

– Вон отсюда, я сказал!

Фиона открыла два окошка, имеющих в комнате, и мы вышли. Я тут же направился на задний дворик, где располагался колодец. Попросил:

– Полейте меня, а?

Фиона тут же сноровисто откинула крючок, удерживающий цепь с ведром – и когда успела насобачиться? Ведро полетело в колодец, где-то внизу тюкнулось о воду. Диана смотрела на меня с сомнением.

– Вряд ли ледяной душ пойдёт на пользу спине.

– А яйцо – пойдёт? – вяло спросил я. – Я в яйце весь, от и до. Знаешь, каково это – ходить в одеждах из крови врагов?

– Ну, так... – поморщилась Диана. – Имею представление. Ладно, раздевайся давай.

Мне и вправду оставалось только раздеться. Комбинезон под воздействием яиц совершенно прохудился, прорехи открывались от каждого движения. Хорошо хоть трусы ещё держались. А, собственно, чего бы им не держаться-то? Они ж мои, собственные. Маде ин С-Е45988/С.

Фиона таки умудрилась закрепить скатерть и двумя руками подняла ведро.

– Готов?

– Всегда готов! – отважно ответил я.

Вода выплеснулась мне на плечо, ведро выскользнуло из кошкиных рук и, наполовину полное упало ей на ногу. Визг

поднялся до небес. Фиона на одной ноге упрыгала в сторону. Диана честно почти не ржала.

– Ну, ты – моя последняя надежда, – сказал я, со значением поглядывая на платье, у которого уже вторая бретелька превратилась в тонкую ниточку.

– Козёл ты, Костя. Мудак и сволочь, – проворчала Диана, но всё же бросила ведро обратно в колодец и завертела ручку ворота.

– Я такой, да, – не без гордости ответил я.

– Отвернись, охальник.

Я отвернулся. Ладно-ладно, будет ещё время.

Ледяная вода аккуратной струйкой полилась мне на голову. Я поспешно вымыл волосы, уши, лицо. Вообще, убрал яйца отовсюду, откуда мог.

– Всё? – поинтересовалась Диана.

– Можно я трусы постираю?

Ведро с остатками воды аккуратно опустилось мне на голову.

– Понял, отстал.

– Блин! – тут же воскликнула Диана. – Ты глянь, что творится!

Она сняла с меня ведро и, швырнув его в колодец, резко повернула мою голову туда, куда надо было смотреть.

– Тррррррэш, – прокомментировал ворон, сидящий на срубе колодца.

В нашу сторону, а вернее конкретно к нам двигалась толпа

из полутора десятков яиц. Это были странные яйца, с чёрными узорами. Как будто кто-то готовил их к Пасхе, но упоролся в хлам и взял не ту краску, да и с узорами лажанулся по-полной. Мне показалось, я прочитал на одном из яиц «АУЕ», но это не точно.

Предводительствовали двое. Старый добрый знакомый Джон Ячменное Яйцо и... Яйцерица.

– Сукин сын! – завизжала она. – Ты за всё заплатишь!

– Не вопрос! – крикнул я в ответ. – В рассрочку можно? Или в кредит, без первоначального взноса. Я вотпрямычас слегка на мели.

– Ты убил моего сына! – заорал Джон.

– Не, это точно не я. Самоубийство чистой воды.

– Тебе конец, убудок!

Ну, начинается. Зачем мне конец? Что мне, своего мало, что ли...

– В дом, – сказала Диана. – Быстро!

Яйца несли с собой что-то вроде ракеток для пинг-понга, только цельнометаллическое. Прямо на моих глазах одна из этих ракеток слегка засветилась белым, и от неё, как в мультике, полетели световые волны. Такими колечками, расходящимися.

Колечки угодили в Фиону. Она взвизгнула и отскочила.

– Как ощущения? – полюбопытствовал я.

– Щекотно, – пожаловалась кошка.

– Это – противояичное оружие, – догадался я. – Сделаем

вид, что оно опасное.

Мы побежали в обход холма. На бегу я покрутил головой, чтобы убедиться: ни одного яйца на улице. Сныкались по нормам и ждут, чем закончится. Обыватели, блин.

Ворвавшись в дом, мы закрыли за собой дверь.

– Яйцерик! – крикнул я. – Ты живой там, нет? Трындец пришёл!

Из дверей комнаты сначала выкатился усталый Яйцедок и привалился к стене. Следом за ним, еле передвигаясь, выполз Яйцерик.

– Что ты натворил, Костя... – прошептал он.

– Что заказывали! Дочку вашу защитил. Она теперь, правда, замуж за меня не хочет. Ну, наверное, не хочет. Так-то мы конкретно не обсуждали, но она сейчас вместе с Джоном Ячменное Яйцо окружает дом.

– Господи, – застонал Яйцерик. – Что ещё уготовило мне Великое Яйцо?

– Да жопа полная, – не стал я щадить психику Яйцерики. – Все твои агенты стали яйцекратами. Да-да, это мне сама Яйцессандра Великолепная сказала. Она была в составе голема в подвале.

– Что?

Мертвенная бледность постепенно сползла с Яйцерики. Он начал наливаться нехорошим багрянцем.

– Вот – то. Всё, некого щадить, Яйцерик. Доставай оружие.

Окно разлетелось вдребезги под визг Фионы. В помещение влетел камень.

– Яйцерииник! – заорал снаружи Джон Ячменное Яйцо. – Пусть он выйдет! Нам нужен только Костя Старательное Яйцо.

– Выпусти его, папа! – подхватила Яйцерица. – Ты прячешь у себя убийцу и негодяя!

– От любви до ненависти – один шаг, – прокомментировала Диана.

Но Яйцерик, кажется, сделалось резко по барабану, что там происходит с его дочерью.

– Что?! – вновь спросил он, глядя на меня. – Ты уверен в этом?

– Да уверен! – кивнул я. – Яйцессандра чётко сказала. Нет больше наших в стане яйцекратов. Всех надо валить без зазрения совести.

– Твари! – заорал Яйцерик и, оттолкнув от стены Яйцедока, что-то там сделал.

Кусок стены повернулся беззвучно вокруг своей оси и замер. В специальных креплениях висели такие же «ракеты», как у осаждающих снаружи.

– Берите по две, – прорычал Яйцерик.

Он первым схватил невидимыми руками две ракеты. Одну направил на Яйцедока.

– Ты со мной? – спросил он.

– Я... Я... – залепетал Яйцедок.

Ракетка начала светиться.

– С тобой, с тобой! – поспешил воскликнуть Яйцедок и взял две ракетки, показал их Яйцерiku, мол, вот, весь готов к труду и обороне, а также ко всем остальным превратностям судьбы.

Мы тоже взяли по две ракетки. Я нащупал на рукоятках кнопочки. Ну, в общих чертах принцип ясен. Осталось посмотреть, как именно они работают на яйцах.

– Яйцерик! – заорал Джон. – Мне надоело ждать. Считаю до трёх яиц, а потом мы поджарим всех, кто в доме.

– Папа, пожалуйста! – завизжала в ужасе Яйцери́на. Теперь до неё, кажется, дошло, с кем она спуталась и какие неприятные могут быть последствия.

– Сколько их? – тихо спросил Яйцерик.

– Пятнадцать, – сказал я. – Плюс Джон и Яйцери́на.

– Ра-а-аз яйцо! – крикнул Джон.

– Яйцеди́ана, ты выйдешь первой. Это их отвлечёт, – сказал Яйцерик. – Яйцедок, Яйцефи́она – позиции у окон. Как только выходит Яйцеди́ана – стреляйте.

– Есть! – сказала Фиона.

Яйцедок молча покатился к окну.

– Не заденьте Яйцери́ну, – прошептал Яйцерик. Ракетки у него в руках слегка дрожали.

– Два-а-а-а яйцо! – крикнул Джон.

– А мы чего делаем? – спросил я.

– Мы с тобой, Костя Старательное Яйцо, выбегаем сразу

же, как Яйцедок и Яйцефиона откроют огонь. Выбегаем и кладём их всех. Без жалости. Всех, кроме Яйцерины. Она – всё, что у меня осталось...

– Да я понимаю, чего ты начинаешь...

– Да пребудет с нами Яйцо, – вздохнул Яйцерик.

– Три-и-и яйцо! – крикнул Джон.

– Погнали! – сказала Диана и, распахнув дверь, шагнула наружу, пряча ракетки за спиной.

Платье с неё категорически сползло при этом, и я позавидовал виду, который открылся яйцам. Впрочем, они один хрен ничего не понимают. Ворон зато понимал.

– Порrrrrрнуха! – заорал он, носясь в воздухе кругами. – Порrrrrрно-перrrrrррестrrrrррелка!

Фиона и Яйцедок нажали на кнопки своих ракеток одновременно. Я увидел, как ряды колечек улетают в окна. Кто-то заорал снаружи, слышались характерные хлопки – яйца взрывались.

– Вперёд! – крикнул Яйцерик.

Он выкатился наружу, я – за ним. Оценить обстановку хватило секунды. Из пятнадцати яиц осталось тринадцать, два других обратились в лужи с плавающими в них осколками скорлупы.

Я прицелился в Джона, нажал кнопку. Колечки полетели, но Джон отшатнулся в сторону и выстрелил по мне. Я, стиснув зубы, остался на месте. Ну и не зря. Действительно, щекотно и ничего больше.

– Получайте, ублюдки, – проворковала Диана и, выставив перед собой ракетки, открыла огонь с двух рук сразу.

Фиона и Яйцедок палили из окон. Яйцерик в мгновение ока застрелил два яйца. Вот в него полетел колечечный луч. Я быстро заступил ему дорогу и выстрелил в ответ. Яйцо с надписью «АУЕ» взорвалось.

– Вот они! – сотряс землю громовой голос. – Настал час расплаты!

Я поднял взгляд, и челюсть у меня отвисла. Этот голем был высотой с девятиэтажку. И ладно бы он был один, но их было трое, и все они шагали к нам.

Глава 11

Я первым направил на ближайшего голема ракетку и пустил луч колечками. Луч летел медленно, будто слыхом не слыхивал, что есть такая «скорость света».

– Умри! – гаркнули в левое ухо.

Повернуться я не успел. Успел только поймать затылком бейсбольную битку. Прихвостни Джона сообразили, что их страшное-опасное противояичное оружие на нас немножко не работает, и начали импровизировать. Сила удара у яйца была смешной, однако моему многострадальному позвоночнику этого хватило. Вскрикнув, я упал на колени и оказался лицом к яйцу с крашеным яйцом.

– Не надо было тебе связываться с семьёй Джона Ячменное Яйцо, – прошипело яйцо и размахнулось битой.

Пока оно размахивалось, я увидел, как луч долетел до голема и угодил ему прямо в грудь. Яйцо, в которое он попал, засветилось ослепительно белым светом и взорвалось. Силой взрыва повело остальные яйца, голем покачнулся.

– Ура! – заорал я хором с вороном, который над битвою кружил.

Словно подтверждая, что, безусловно, ура, мне в лоб прилетело битой. Подавившись криком, я упал на бок.

– Что же ты никак не сдохнешь? – заорало яйцо, вновь поднимая битку.

– Не умею, – пожаловался я. – Учусь-учусь, а толку – хрен...

Ударить яйцо не успело – его прикончила пинком Диана. Выкрикнув что-то матерное, она пробила скорлупу пяткой. Нога погрузилась внутрь почти до колена. Крашеное яйцо смертельно побледнело, и узоры сделались ещё более контрастными.

– Живой? – спросила Диана, высвободив ногу. Платье она таки опять придерживала, не используя вторую ракетку.

– А как выгляжу?

– Хреново ты выглядишь.

– Значит, живой. Это фича у меня такая.

Диана, впрочем, уже не слушала. Отвлеклась на очередного отважного отморозка, попытавшегося атаковать её ножом. Яйцо получило по маковке ракеткой и скончалось на месте. А ракетка уже хреначила лучом по следующему.

Так, надо как-то подниматься. Война идёт, а я валяюсь – некрасиво. Хотя... Если подумать – оно мне надо? Оружие у меня хорошее, дальнобойное, можно и лёжа пострелять.

Я, вдохновлённый этой мыслью, взял на «мушку» всё того же голема и принялся палить ему по коленям. Главное – повалить, а там ногами запинаем.

Яйцерица визжала вообще без передыху. Ну, удобно, чё. Лёгких нет – визжи – не хочу. Вот грохнут сейчас батю – будет знать, дурында. Есть же простая жизненная мудрость: кто тебя к столбу привязал – тот враг. Почему девушки её

так плохо понимают? «Бьёт – значит, любит» – это только в БДСМ работает. Может, конечно, Яйцерица как раз из этих – фиг её знает. Чужое яйцо – потёмки.

И вдруг завизжала Фиона. Я, вздрогнув, отвлёкся от расстрела голема и вывернул шею, пытаюсь рассмотреть, что происходит. Фиона голосила, кажется, от одного лишь сопереживания, потому что ничего страшного с ней не произошло – как торчала в окне с ракетками, так и торчит. А вот соседнее окно пустовало. На землю по стене стекали густые яичные массы. Светлого тебе перерождения, Яйцедок...

Я вновь повернулся к голему. И вовремя. Тот вытянул руку и «выстрелил» яйцом. Яйцо, вращаясь, с пушечной скоростью полетело, к счастью, не в меня. А то тут бы я и кончился. Снаряд угодил в землю рядом с Джоном, Яйцериной и ещё одним из трёх уцелевших расписных негодяев. Они прыгнули в разные стороны.

– Вы что?! – заорал Джон. – Мы на одной стороне!

– Нет яиц, кроме яйцекратов! – громынул голем и выстрелил снова.

Опять завизжала Яйцерица, обрызганная потрохами яиц, которые, хоть и отрицали свою яичность, оставались яйцами.

– Предлагаю временно объединиться! – крикнул я. – Чисто пока яйцекратов не перебьём. А потом – опять драться, не вопрос.

Напрямую мне никто не ответил, однако предложению вняли. Яйцерица направила ракетку на голема, Джон после-

довал её примеру, а троим выжившим бандитам ничего не оставалось, кроме как повторять действия шефа.

И тут первый голем, основательно потрёпанный, ворвался в посёлок. Топоча огромными ногами (четыре яйца в основании стопы), он понёсся прямо на меня. Я, стиснув зубы, выпалил по нему с двух ракеток. Фиона поддержала из окна, Диана стреляла, опустившись на колено рядом со мной. Яйца рвались, лопались, грохот стоял адский, вкусно пахло яичницей.

– Нам конец! – закричала Яйцери́на и, бросив ракетку, побежала куда-то прочь.

– Два яйца, два конца, а посередине – Костик, – прокомментировала Диана. – Встанешь?

– А надо?

– Очень!

– Ну, ок...

Вставать действительно было уже очень надо. Голема разворотили примерно на треть, но вдруг откуда-то сзади прилетело ещё штук пятьдесят яиц, и он полностью восстановился. Огромная нога ударила в землю в двадцати метрах от меня.

– Фиона, вон из дома! – крикнула Диана, помогая мне встать. – Бежим!

– Я не отступлю! – орал Яйцери́к. – Это – моя битва!

– Не сходи с ума, Яйцери́к! – попытался урезонить его Джон. – Нас слишком мало. Отступаем!

Яйца побежали слева от дома, мы с Дианой – справа. По пути объединились с Фионой.

– Что будем делать? – крикнула она, вытаращив огромные глаза.

– К portalу прорываться! – процедила сквозь зубы Диана.

За спиной грохотали шаги. Все три голема уже были здесь. Обернувшись, я увидел, как дом Яйцерики тонет, заваленный битыми яйцами. Жители ближайших домов высыпали на улицу и помчались наутёк, бешено вопя.

– Прибор-то при тебе? – спросил я на ходу.

– Б@@@, – отозвалась Диана и, остановившись, повернулась к затопленному дому Яйцерики.

– Всё время забываю, кто из нас идиот, – сказал я.

Голем поднял руку, целясь в нас яйцом. А под его рукой вдруг мелькнуло маленькое чёрное пятно. Оно быстро увеличилось и оказалось вороном, который с трудом летел, удерживая в лапах смартфон.

– Ррррраззява! – каркнул он, выронив прибор в ладонь Диане.

– Вот – единственный полезный член команды! – воскликнула она. – Всё, валим ско...

Голем выстрелил. Диана, не договорив, толкнула меня в сторону, сама прыгнула в другую. Ей повезло меньше – голем успел сделать поправку. Наверное, он тоже не ахти как различал лица, так-то ведь это я ему враг номер один, по идее. Но яйцо прилетело в Диану. Хорошее такое яйцо, с

«Оку» размером.

– Диана! – ахнула Фиона, которая успела унестишь шагов на десять вперёд, а теперь остановилась, схватившись за голову.

У меня тоже сердце ёкнуло. Но Диана уже поднималась. Медленно и словно бы неохотно. Её можно было понять. Платье не пережило такой мощной атаки. Ткань утратила остатки прочности и смешалась с яичной массой, которая обречена была впитываться в землю. Диана осталась в одном нижнем белье, не считая, конечно белка с желтком.

Любоваться времени не было. Я вскинул ракетки и ударил двумя лучами по ногам голема. Захлопали, взрываясь, яйца. Голем покачнулся, взмахнул руками.

– На, скотина! – визжала Фиона. Её лучи врезались голему в грудь и живот. Без особого толку. Сокращать число яйцекратов смысла не было абсолютно – всех их мы бы и за сутки не перебили.

– Эй, ты!

Я обернулся и увидел Джона Ячменное Яйцо. Он целился в меня из пистолета. Того самого пистолета, который унёс жизнь его сына.

– Уверен, что сейчас подходящий момент? – грустно спросил я.

– Другого может и не быть.

– Так-то да...

Вхолостую щёлкнул спусковой механизм. Потом – ещё

раз.

– Да бессмертный я, бессмертный! – вздохнул я и легко отобрал пистолет у Джона. – Смиритесь вы уже, господа...

Пистолет я, за неимением лучшего, сунул за резинку трусов. Джон мужественно осознал, что оказался в проигрышной позиции, и направил ракетку на голема. Я, повернувшись, тоже принялся палить.

Собственно говоря, уже даже бежать смысла не было. Три голема подобрались почти вплотную и могли настигнуть нас в один шаг. Шесть рук одновременно поднялись, беря нас на прицел.

– Огонь по снарядам! – скомандовала Диана.

Это действительно была единственная оставшаяся стратегия. Яйцерик и два чёрноузорных яйца стояли далеко, падали по големам, но на смену взорвавшимся яйцам тут же прилетали другие.

– Поквитаемся на том свете, – буркнул Джон.

– О, так ты суеверным заделался? – усмехнулся я. – Поздравляю, чё.

Джон не успел мне ответить. Шесть рук выстрелили шестью яйцами сразу. Тут я быстро понял, что целиться одинаково метко из двух орудий сразу – трудная задача. Одно яйцо мне удалось сбить, второй луч улетел в небо. Джон вообще стрельнул куда-то в голову голему. Вроде бы попал, но какой в этом был смысл? В ту же секунду его снесло и размазало по траве пушечным яйцом.

– Бооооосс! – горестно взвыл черноузорный.

Диана и Яйцерик с Фионой успели сбить остальные яйца.

– Неплохо! – прогремели голоса всех трёх големов. – А как насчёт этого?

Яйца полетели сплошным потоком. Сначала было даже просто. Я зафиксировал ракетки и бил в две точки, уничтожая яйца одно за другим. Таким же образом поступили и остальные. Но вот големы начали двигать руками, и траектория полёта яиц принялась «гулять».

– Всё пропало! – заорал я.

«...мать, мать, мать...» – привычно отозвалось эхо.

– За холм! – услышал я вопль Дианы сквозь грохот рвущихся яиц.

Короткими перебежками, то и дело отстреливаясь, мы переместились за ближайший жилой холм, покинутый жителями. Холм тут же загудел, как барабан, от бьющих по нему снарядов.

– Дерьмо! – прошипела Диана, встав плечом к плечу ко мне.

– Да ладно, не всё так плохо. Ты, например, отлично выглядишь.

Диана лишь злобно зыркнула на меня. А заговорил Яйцерик:

– У нас лишь один шанс на спасение...

– Ракетная установка? – спросила Диана.

– Яйцекратам нужен Костя Старательное Яйцо.

– Вот этот? – Единственный оставшийся черноузорный указал на меня ракеткой. – Так отдадим его, и дело с концом!

– Ну, попробуй. – Диана навела на него ракетку.

Фиона, смекнув, чем дело пахнет, взяла на прицел Яйцерику.

– Да поймите же вы, – заговорил Яйцерик, подняв ракетку. – Они убьют нас всех, если мы не выдадим им того, кто повинен в смерти Короля-Яйцо. Это особое яйцо, они выращивали его несколько лет и верили, что птицы...

Сияние Яичницы померкло. Голем перегнулся через холм и посмотрел на нас.

– За Короля-Яйцо! – крикнул он и... рассыпался.

Диана рванула меня за руку. Перед нами разбилось яйцо. Я бы шарахнулся, но Диана даже бег не замедлила. Мы пробежали через яичное болото, только потом оглянулись.

Черноузорному пришёл конец – я видел кусочек скорлупы с фрагментом узора, плывущий по яичному морю. Яйцерик и Фиона успели спастись. Причём, Фиона несла на руках Яйцерику.

Два других голема обогнули холм, безмолвно подняли руки, готовясь нас расстрелять.

– Мне плохо! – слабым голосом произнёс Яйцерик. – Кажется, я... Я умираю...

Фиона, обалдев от таких откровений, опустилась на колени, глядя на Яйцерику беспомощными глазами, в которых отчётливо читалось желание нажраться вдрабадан.

– Па-а-а-апа-а-а-а! – Откуда ни возьмись появилась Яйцерица. Подбежала к Фионе.

– Дочка... Прощай! Я не держу зла. Не сердись и ты на меня.

– Папа, нет, ты не можешь умереть!

– Я чувствую! Чувствую, как моя душа рвётся нару...

– За Короля-Яйцо! – проорали големы.

– Если мы реинкарнируем в яйца, я покончу с собой, – сказала Диана и сжала мне руку. Мы переглянулись...

И вдруг раздался треск.

В тишине, предвещающей начало конца, треск был слишком тихим и непривычным, поэтому сразу привлёк внимание. Я повернул голову и увидел, что треснула скорлупа Яйцерицы. А в следующую секунду трещина расширилась, и Фиона, завизжав, выронила яйцо.

Глава 12

Фиона выронила Яйцерику, и он, под отчаянный крик Яйцерины, прокатился несколько метров. Замер, глядя трещиной в небо.

Я метнул взгляд на големов и обнаружил, что они опустили руки, как будто бы тоже смотрели, потрясённые, на гибель Яйцерики.

Снова раздался треск. Яйцерица, подкатившаяся к отцу, с визгом откатилась обратно. Из трещины показался клюв.

– Мать моя женщина, – сказала Диана. – Он что, серьёзно?

– Душа! – прошелестел выдох сотен яйцекратов. – Душа вылупляется!

Ещё один удар, и вот наружу показалась ярко-жёлтая головка. Раскрыв клюв, она чирикнула и с любопытством огляделась. Раздался грохот – големы повалились на колени.

– Папа?! – выдохнула Яйцерица.

Птенец повернул голову к ней и пронзительно чирикнул, аж в ушах зазвенело. Потом задёргался, доламывая остатки скорлупы, и, наконец, расправил крылья. Ростом оказался чуть пониже меня – и как только в Яйцерику помещался?

– Цып-плё-о-онок, – протянула Фиона. Её хвост, испачканный в яйцах, дёрнулся, уши шевельнулись.

– Брысь, – негромко сказал я, приводя её в чувства.

Фиона встрепенулась, тряхнула головой. Вот так, пра-

вильно. Ты не кошка, ты алкаш-декламатор, так безопаснее.

– Но почему? – завопили яйцекраты. – Ведь мы же всё делали правильно! Почему вознесение было даровано яйцеверу?!

– Потому что он – верил! – плачущим голосом ответила им Яйцерица. – Всю свою жизнь он верил в то, что вознесение – удел достойных!

– Он был прекрасным яйцом, – сказал, приближаясь, тот персонаж, что тыкал в меня вилами после пьянки. – Возможно, лучшим из яиц.

– У него была выдающаяся яичность! – подхватила женщина-яйцо, подходя с другой стороны. – Мудрый, справедливый правитель.

– Замечательный отец! – всхлипнула Яйцерица.

– Выдающийся любовник, – добавила ещё одна яйцеверка.

– Что-о-о? – подпрыгнула Яйцерица.

Яйцеверы собирались вокруг чирикающего цыплёнка, и каждый говорил что-то хорошее. Происходящее напоминало нечто среднее между поминками и днём рождения. Големы стояли неподвижно на коленях. Яйцеверы произносили речи. Цыплёнок беззаботно чирикал. Впрочем, беззаботности в его голосе оставалось всё меньше.

– Жрать хочет, – сообразила Диана.

– И что нам с ним теперь делать? – спросила Фиона, выбравшись из скопища яиц и встав рядом с нами.

– Нам? – переспросила Диана. – Ты что-то путаешь. Лично я на птицефабрику работать не нанималась. Нам сейчас надо бежать к порталу, срочно, пока все не очухались.

– В таком виде? – спросил я, без особого энтузиазма оглядев всех нас, начиная с себя.

Я – в трусах и в яйце. Диана – в трусах, лифчике и яйце. Фиона – в занавеске и яйце. Случись с той стороны портала нормальный мир, нас тут же в кунсткамеру посадят. Хотя откуда в Нимире нормальный мир...

– Идём к реке, – решила Диана.

– Заодно и помоемся, – кивнул я и, увернувшись от подзатыльника, первым двинулся в нужном направлении. Однако далеко не ушёл.

В спину ударил порыв ветра, потом – ещё один. Ветер был какой-то странный, и я обернулся.

– Нет, ну это уже слишком! – воскликнула Фиона.

Пожалуй, она была права. С неба, под восторженные возгласы яиц, опускалась, мерно взмахивая крыльями, огромная курица.

– Птица! Птица прилетела! – голосили яйцекраты, не то в восторге, не то в отчаянии, что птица прилетела не к ним.

– Курица не птица, – пробормотал я, но так, негромко, мало ли.

Курица опустилась на свободное место рядом с птенцом (яйца предусмотрительно раздались в стороны) и протянула ему зажатого в клюве червя. Червь был размером с мою руку.

Не хотел бы я побывать там, где такие водятся... Кто б меня ещё спрашивал, чего я хочу, чего не хочу.

Цыплёнок принялся с энтузиазмом долбить червя. Яйца замороженно следили за этим действием. Курица нежно квохтала и подозрительно нахохливалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.